

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Люсина жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634825

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Я внимательно прочла синюю тетрадку. Действительно, она состояла из отрывков, набросков и заметок, настолько заинтересовавших меня, что я при первой же представившейся мне возможности взялась за работу. Я обработала этот материал, взяв целый ряд фактов и приключений из жизни Люси, ее детства, отрочества и юности, и, таким образом, возникла повесть «Люсина жизнь», которую я и передаю – по желанию самой героини – моим юным друзьям-читателям.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	6
I	6
II	19
III	36
IV	66
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Лидия Алексеевна Чарская

Люси́на жи́знь

Вместо предисловия

Мне пришлось гостить этим летом в одном из «медвежьих углов» нашей обширной матушки России. Там, в соседстве с имением моего дяди, у которого я временно поселились, в усадьбе его знакомых, я встретила молодую девушку.

Она сразу завладела моим вниманием, и мы с нею скоро подружились, несмотря на разницу лет.

Было что-то родственное в наших душах, сходное в характерах и натурах.

Однажды Люся (настоящей фамилии ее я называть не стану) подала мне небольшую тетрадку, исписанную ее крупным характерным почерком.

— Вот, дорогая, прочтите это, — сказала она мне, — здесь мой дневник, мои заметки, моя душа, мое сердце, все мое внутреннее «я» без доли вымысла и прикрас. И вся моя жизнь с той минуты, когда я начинаю себя помнить, и до восемнадцати лет. Она проходила у меня до сих пор не совсем обыкновенно, не так, как у других детей была богата случаями и приключениями. Пестрела всевозможными типами, далеко не безынтересными тоже. Если бы я была писатель-

ница, то составила бы большую интересную книгу обо всем этом. Но, увы! я не обладаю таким даром. А между тем, так хочется раскрыть все пережитое мною читателям, познакомить их со встретившимися на моем пути людьми, могущими заинтересовать таких же юных существ, каким является ваша покорная слуга. И вот, я прошу вас заменить меня в этом деле. Я передаю вам одни только факты, один сырой материал, одни короткие наброски. Выберите из них все то, что найдете нужным, обработайте, дополните, расширьте, — одним словом, сделайте пригодными для печати. И этим вы вполне осчастливите вашу Люсю.

Я внимательно прочла синюю тетрадку.

Действительно, она состояла из отрывков, набросков и заметок, крайне заинтересовавших меня, настолько заинтересовавших, что я при первой же представившейся мне возможности, взялась за работу. Я обработала этот материал согласно просьбе моей приятельницы, взяв целый ряд фактов и приключений из жизни Люси, ее детства, отрочества и юности, и, таким образом, возникла повесть «Люсиная жизнь», которую я и передаю по желанию самой героини ее моим юным друзьям-читателям.

Часть первая

ДЕТСТВО

I

Шоколадная утка

Трехлетняя очень худенькая и очень бойкая девочка вьюном вьется по небольшой светлой гостиной. Она то подпрыгивает, приближаясь к столу, на котором лежат четыре такие соблазнительные вещи, как: большие ножницы, кусок воска, иголка с ниткой, воткнутой в подрубленный только что нянею носовой платок, и маленькая шоколадная утка; то, как ни в чем не бывало, удаляется от стола и смотрит с самым невинным видом в окошко.

Маленькая девочка – это я. Меня зовут Люсей. У меня есть отец и бабушка, такая старенькая, что когда кто-либо спрашивает меня: «Скажи, сколько лет твоей бабушке, Люсенька?» Я сразу отвечаю без заминки. – «Сто лет!» Между тем как моей в ту пору, действительно, старой бабушке было около семидесяти.

Есть у меня еще няня Феня. Эта Феня очень молоденькая, румяная и такая бойкая, что двух минут не может спокойно посидеть на одном месте. На кухне за эту-то бойкость мою

няню остальная прислуга не очень долюблиwała, а кухарка Лукерья, вся насквозь пропитанная кухонным чадом и лоснящаяся, как только что начищенная кастрюля, та – Феню иначе как «вертихвосткой» не называла. Зато я свою няню очень люблю. Кроме папы, бабушки и Фени, у меня есть еще Филат, огромный пес, про которого моя молоденькая тетка, папина младшая сестра Муся, говорит, что он «страшно породистый», а папочка ей на это отвечает несомненно: «Что и говорить, чистокровный дворянин». Но о Филате пока что распространяться не буду, так как начала вспоминать про шоколадную утку, к ней и возвращусь. Шоколадная утка это – подарок, полученный мною нынче. Когда мы закупами с Феней сегодня в лавке на целую неделю сладости: мармелад, пастилу, изюм и орехи, приказчик с умиленным видом вынул из большой запыленной банки, крепкую как камень, шоколадную утку с отбитым носом и преподнес ее мне с самой галантной улыбкой.

– Вот-с, извольте-с, получить маленькая барышня с нашим особенным вам почтением-с. Кушайте-с на здоровье и нас не забывайте-с.

Последние слова относились, кажется, к Фене, потому что она вспыхнула и потупила глазки под устремленным на нее взглядом приказчика. И тотчас же вырвала у меня из рук утку и положила ее к себе в карман.

– Нет, нет и думать не смей до обеда пробовать ее, Люсенька. А то опять затошнит, супа кушать не станешь и бед-

ной Фене влетит по первое число, шепотом предупредила меня, довольно нелюбезным тоном моя молоденькая няня.

Вышла я из магазина в самом сумрачном настроении духа и всю дорогу дулась на Феню. Дулась и тогда, когда она, по приходе домой, вынув из кармана шоколадную утку, положила ее на столе в гостиной, а сама уселась, как ни в чем не бывало, подрубать платок и напевать в полголоса песенку про серого козлика.

Что касается меня, то я терпеть не могу этой песни. И песня глупая и козел глупый. Охота же была ему лезть прямо на рога к злым волкам. Я бы, будь я козликом, непременно бы их сама забодала рогами... Так бы и не съели они меня ни за что. Или козлик был еще маленький, и у него не выросли еще рога? Надо расспросить об этом хорошенько Феню.

Но мне не приходится сделать этого, потому что моя милая нянечка, покончив с подрубкой платка и обратившись ко мне, еще раз с кратким, но убедительным внушением ни под каким видом не есть шоколадную утку до обеда, быстро исчезла за дверью гостиной, шумя накрахмаленными юбками. Да, хорошо ей было внушать... А какого-то испытывать соблазн моему чрезмерно отзывчивому на все сладкое трехлетнему сердцу?... Походив вокруг стола просто шагом и побегав в припрыжку, я самым неожиданным образом пришла к счастливому заключению, что было бы далеко недурно заняться для препровождения времени большими Фениными ножницами, положенными по соседству с шоколадной

уткой. Не задумываясь ни минуты, я снова подхожу к столу и беру их двумя пальцами так осторожно, как будто они сделаны не из железа, а из хрусталя, и вот-вот ежеминутно грозят разбиться вдребезги на мелкие кусочки. Вспоминаются почему-то стихи из книжки «Степка-Растрепка» о мальчике, который поминутно сосал палец до тех пор, пока к нему не «прибежал портной с большими ножницами, злой, и вдруг не отрезал пальчики с обеих рук». Вспоминается и соответствующая этому случаю картинка: злодейского вида человека, в клетчатых панталонах, ручьи крови, и неистово ревущий мальчишка с обрубками пальцев на руках. Главным же образом, вспоминаю ножницы совсем такие же страшные, как эти. Но такие ли острые эти, как были те, этого я не знаю и, чтобы в том убедиться, хватаю со стола подрубленный Фенею платок, такой беленький и аккуратный, ни разу, по-видимому, не бывший в стирке, и вырезаю из середины его ножницами кружок величиною в медный пятак. Потом соображаю мгновенно, что рубец на платке далеко не так уже хорошо подрублен, и что было бы куда лучше заменить его зубчиками. Не откладывая дела в долгий ящик, сажусь на полу, тут же около стола и, пыхтя и сопя немилосердно, начинаю с усердием, достойным лучшего применения, мять и резать ни в чем неповинный новенький платок. Полюбовавшись с минуту на свою работу, я вспоминаю, что в платок была воткнута иголка с ниткой. Сейчас же ее здесь нет...

Где же она? Где? Куда она могла деваться?

Ужасное предположение мелькает молнией в моей младенческой голове. Совсем некстати припоминаются сейчас причины, объясняющие запрещение старших давать детям иголки в руки: иголку можно проглотить – и тогда последует смерть неотвратимая и ужасная. Иголка может также войти в мягкую часть тела, оттуда потянется дальше, дойдет до сердца и тогда... Тю-тю прощай, Люсенька!

Воображение мое разыгрывается... Теперь мне кажется уже, что это факт совершившийся, – и что я, действительно, проглотила иголку. Подхожу к зеркалу и смотрю, не торчит ли нитка у меня изо рта. Нет, и с этой стороны все обстоит не совсем благополучно. Нитка не торчит. Стало быть, последняя надежда на возможность извлечения при ее помощи иголки исчезает бесследно. Это обстоятельство, как нельзя лучше соображает моя мало умудренная житейским опытом трехлетняя голова. И я начинаю тихонько хныкать и, поглядывая беспомощными глазами по сторонам, жалобно-прежалобно взываю:

– Няня Феня! Няня Феня! Ня-янечка!

И вот снова взгляд мой падает на шоколадную утку. Не есть ли она моя спасительница? Что если я съем ее? Она защитит меня от злополучной иголки, облепит ее своей мягкой клейкой массой, и та не вонзится в мое тело. И я уже не рассуждаю больше. Стремительно вскакиваю с пола и быстро хватаю соблазнительную приманку. Спрятавшись с нею в уголке гостиной между книжным шкафом и роялем, я ем ее

быстро и жадно, точно никогда не ела ничего сладкого за все мое трехлетнее существование. Ем и вместе с этим вымазываю себе на совесть лицо, шею, руки, платье и передничек. Шоколадная утка могла бы с успехом называться каменной, так она неудобосъедобна и крепка. Но зато сладости невообразимой!

Прищелкивая языком, глотаю последний кусочек и вылезаю из моей засады. Проходя мимо зеркала, бросаю в него удовлетворенный взгляд и вдруг начинаю реветь испуганным страшным ревом.

Ужасный маленький карлик смотрит на меня оттуда своей черной, как у негра пятнистой физиономией. Жуткий маленький карлик с лицом, вымазанным в шоколаде.

Я реву. Реву тем залихватным ревом, который звоном отзывается в ушах самого ревущего. Вбегает испуганная Феня.

– Люсенька? Что такое? Что случилось? Кто обидел Люсеньку?

И тут же, увидя мое невозможно-вымазанное лицо, Феня краснеет и сердито топает ногою:

– Бесстыдница! Съела-таки! Съела до обеда шоколадную утку!

Я знаю по опыту, что вслед за этим неминуемо последует увесистый шлепок, и считаю, поэтому необходимым разжалобить Феню.

– Я проглотила иголку! – взвизгиваю я на весь дом.

Эффект от такого признания получается чрезвычайный.

– Она проглотила иголку! – всплеснув руками, вопит не менее отчаянно моя молоденькая няня. И, схватив меня на руки, начинает трясти с такой силой, точно хочет заставить иголку выскочить из моих внутренностей.

– Какую иголку? Какую? – трагическим шепотом допытывается она у меня.

– Большую иголку, с длинной ниткой, – продолжаю я фантазировать, не переставая реветь ни на минуту.

Феня в отчаянии и плачет тоже. Приходит бабушка, прибегают отец и тетя Муся, которая гостит у нас все летние месяцы, свободные от занятий в институте. – Что такое? Что случилось? Отчего Люсенька плачет? В чем это она выпачкалась? Да говори же, Феня! – кричат они наперерыв все трое и протягивают ко мне руки.

Феня, всхлипывая, объясняет в чем дело. Она отлучилась только на минутку за молоком для Люсеньки, а Люсенька... И тут следует длинный перечень моих преступлений, существующих и несуществующих, всех, кроме самого главного, о проглоченной иголке Феня разумно умалчивает. Но я не замедляю восстановить истину и ору уже безо всяких слез, на весь дом благим матом:

– Я проглотила иголку! Я проглотила иго-олку... Аа-а-а!

Весьма легко себе представить, какое впечатление получилось от этих слов!

У бабушки подкосились ноги. Мой ненаглядный папочка стал такой же белый, как только что изуродованный мною и

теперь валявшийся на полу носовой платок; тетя Муся, всегда розовая и веселая, вдруг будто слиняла, сразу как Фенина ситцевая кофта после стирки.

– Доктора! Доктора! Необходимо сейчас же извлечь иголку... дать ей рвотное, заставить ее выпить сырых яиц и касторки... – срывалось с помертвевших губ бабушки в то время, как папочка хватался за голову, не зная что придумать, что предпринять. Я же переходила с рук на руки, от бабушки к папочке, от папочки к Фене и обратно. Одна только тетя Муся оставалась в сторонке и что-то усердно искала на ковре.

– Ах, вот она! – весело прозвучал ее голос, и она звонко рассмеялась на всю комнату.

– Вот она, иголка, благополучно валяется на полу. Ты ее и не думала глотать, проказница Люся!.. Сережа, мамочка, да успокойтесь вы, ради Господа Бога, живехонько и здоровехонько ваше сокровище ненаглядное... Ну, Люська, марш в свою детскую, нечего арапчонком ходить, бесстыдница ты этакая! – обратилась она уже непосредственно ко мне. Затем, поднеся к самому моему носу иголку, ту самую злополучную иголку, которая по моему предположению, должна была давно уже обретаться в моем желудке, спросила, прямо глядя мне в глаза:

– Эту иголку, ты проглотила, негодница ты маленькая? Да? Говори!

– Эту... С длинной ниткой! – помимо моей воли нереша-

тельно сорвалось с моих губ.

– Ха, ха, ха! – раздался вокруг меня дружный веселый хохот. Мгновенно все страхи и ужасы моих родных перешли в самое веселое настроение, теперь они от души смеялись.

Смеялся отец, смеялась бабушка, смеялась тетя Муся. Одной Фене было не до смеха. Бабушка очень строго смотрела на нее все время, пока царило приподнятое настроение в нашей маленькой гостиной. И этот строгий взгляд сулил мало хорошего Фене. Когда же веселое настроение прошло, бабушка погрозила пальцем моей нянюшке и внушительно произнесла: – Если что-либо повторится подобное, и ты еще хоть раз оставишь ребенка одного с опасными вещами в комнате, то я тотчас же рассчитаю тебя, Феня. Поняла?

Русая головка моей молоденькой няни печально поникла при этих словах старшей хозяйки. Правда ненадолго. Лишь только старшие ушли, и мы остались снова вдвоем с нею, она бросила сердитый взгляд на мою жалкую, пристыженную фигурку и не менее сердито зашипела:

– У-у, негодная девчонка! Лгунья! Иголку, видишь ты, проглотила! Бесстыдница! Не так бы завопила, кабы по вса-момделешнему проглотила! Только добрых людей напугала зря. Ишь ты вымазалась... Платок опять же испортила! У-у, срамница. Место из-за тебя, негодницы, терять мне, што ли? Господи Ты Боже мой! Царица Небесная, Владычица, сладу мне нет с ребенком этим. Погоди, негодница, ужо придет он – Зеленый, утащит тебя в лес, отдаст волкам, будешь тогда

знать, как мучить бедных людей! И схватив меня за руку, более нежели энергичным движением, она повлекла меня в детскую, чтобы смыть с моего лица и рук злополучный шоколад.

* * *

Вечер... На окно спущена непроницаемая темная штора. Синевато-желтый огонек лампы тихо вздрагивает перед большим образом нерукотворного Спаса. Я лежу в своей мягкой тепленькой кровати и широко раскрытыми глазами смотрю на причудливый букет розовых обоев, которыми оклеена моя уютная, хорошенькая детская. Происшествие с шоколадной уткой исчезло бесследно и давно забыто. Вечером бабушка с папочкой и тетей Мусей, как ни в чем не бывало, играли со мною в паровоз и соединенными усилиями укладывали потом в постельку. Даже Феня переложил гнев на милость и рассказала мне чудесную сказку про маленькую девочку-Дюймовочку, – сказку, вычитанную ею из какой-то книжки. Но все же в сердце у меня осталась какая-то жуть. И не то, чтобы жуть, а какое-то странное ощущение тревоги... И причину этого настроения являлся он – Зеленый...

Несколько раз уже няня Феня говорила мне о нем, угрожая мне и шутя и серьезно: «Вот де придет Зеленый и унесет тебя в лес и отдаст волкам на съедении». А кто такой Зеленый я и не знала хорошенько по правде сказать. И боялась

спрашивать о нем Феню. А вдруг что-нибудь страшное, от чего мурашки побегут по телу и подкосятся ноги? Мне этот Зеленый представляется почему то небольшим и толстым, очень толстым, как шарик, и весь он был в зеленых волосах, как клубок ниток, обверчен ими, а глаза у него были маленькие и злые, как у змеи. И жил он в самой чаще непроходимого леса. Волки боятся его, а он командует ими как важный барин. Днем он спит, а ночью катается зеленым клубочком повсюду, вокруг тех домов, где живут дурные, капризные дети. Подкатится к такому ребенку Зеленый, вытолкнет его из теплой кровати, погонит его в лес, а там тут как тут они, – волки. Гам, гам! И съели и останутся одни косточки от дитяти. Зеленому это нипочем. Сидит он себе да щелкает зубами – кого бы еще, придумывает, волкам отдать и снова катит клубочком к кроваткам провинившихся за день деток, стараясь распознать по лицам их, кто больше напроказил, кого скорее других надо наказать.

Ах! От страха я вся сжимаюсь в комочек и начинаю трястись всем телом. Еще бы! Я – большая преступница, изрезала Фенин носовой платок, съела вопреки запрещению шоколадную утку и напугала весь дом этой злополучной историей с иглой. И, наверное, Зеленый катается уже вокруг меня где-нибудь по близости моей кровати! Ошалевшая от страха, я зажмуриваю глаза, чтобы как-нибудь не увидеть его случайно. Но это не помогает, однако... Я слышу и чувствую его... Как он шелестит вокруг моей кровати, отлично слы-

шу. Теперь, не выдержав больше, я кричу:

– Нянечка! Нянечка! Возьми меня к себе, а то меня унесет Зеленый!

Феня вскакивает в одной рубашке с большого сундука, заменяющего ей ночью постель, заспанная, горячая, с полураспущенной косою, свесившейся через плечо.

– Какой еще там Зеленый? Христос с тобой, Люсенька? Спи, спи спокойно! – тянет она тоненьким, певучим от дремоты голоском.

– Нет, нет, я хочу к тебе! К тебе в постельку! – отчаянно протестую я и цепко обвиваюсь ручонками вокруг ее шеи.

Тогда она решительно вынимает меня из моей кровати и уносит к себе.

Как у нее славно на мягкой перине, брошенной поверх большого кованого железом сундука. И сама она такая тепленькая и ласковая... Милая моя нянечка!

– Теперь я не боюсь тебя, Зеленый; няня Феня не отдаст меня тебе ни за что! – заявляю я неожиданно и вся собираюсь в клубок в ласковых объятиях Фени.

Она несказанно смущена моими словами и тут же с места начинает пояснять мне, что никакого Зеленого не существует на свете, что выдумали Зеленого глупые люди, чтобы пугать им раскапризничавшихся или расшалившихся не в меру детей. Что бояться Зеленого, да и вообще не только Зеленого, но и всего того, что идет не от Бога, даже грешно и преступно. Что Боженька деток вот как любит и в обиду

их не даст ни за что... И долго еще в том же духе ораторствует Феня, а я слушаю ее, как балованный котенок, прижмурив глаза, обвинив ее шею рукою и прижавшись к ее щеке. Ее пушистые волосы щекочут мне лицо, но это так приятно! Милые пушистые волоски! Милая, добрая Феня! Я внезапно преисполняюсь любви к ней, – любви и раскаяния в содеянных мною проступках и мысленно даю себе обещание никогда, никогда больше не ссориться с нею, не есть без спроса никакой шоколадной утки, не вырезать рубчиков на носовых платках.

А дремота уже подкрадывается ко мне незаметно... Золотым туманом застилает мне шаловливый сон усталые глаза. Вздрагивают веки, силясь подняться еще раз... Куда уж!.. Нарядная колесница короля снов уже приближается к моему ложу... Чудесные свитки разворачивает правивший ею Сон Дремович и разбрасывает эти свитки кругом. Какой-то выпадет сон в нынешнюю ночь на мою долю?...

И мой сон не замедлил явиться. Я вижу шоколадную утку, но такую огромную, какой не съесть даже целому полку солдат. И Зеленого вижу тоже. Он стоит передо мною такой маленький-маленький и жалкий-прежалкий и повторяет, плача: «Меня нет на свете. Нет на свете. Меня выдумали глупые люди. И это очень грустно...» И снова плачет навзрыд.

II

Филат

Он был весь черный, как сажа, и кудлатый, как баран. Бог знает, чего только не находилось в этой мягкой пушистой шерсти!

И щепочки, и какие-то обрезки лент, и тела мирно упокоенных, перешедших в область вечного молчания мухи. Раз даже моя няня Феня нашла в шерсти Филата огромного сердитого паука. Впрочем, сердитый паук уже не представлял из себя ни малейшей опасности: он был мертвый. Но, несмотря на всю непрезентабельность Филатки, я люблю его после папы, бабушки и няни Фени больше всего на свете. Даже хорошенькая тетя Муся занимает место в моем сердце после него.

Я и Филат – друзья не на жизнь, а на смерть. Хотя место Филата, по положению сторожевого пса, должно быть на дворе, но открывая каждое утро заспанные глаза, я вижу милую черную кудлатую голову, которая тычется в синий переплет моей детской кровати. А горячий, красный язык моего четвероногого друга умудряется в один миг облизать мои щеки, лоб, нос и губы. На энергичные крики няни Фени: «Пошел вон, на свое место, Филатка!» мой приятель наивно воображает, что его место под моей кроватью и забирается туда на время, пока я, при помощи няни, совершаю свой утренний

туалет.

Ежедневно на молитве, прося здоровья папе, бабушке, тете Мусе, няне Фене и мне маленькой, я неизменно прибавляю также: «и Филатке».

– Не надо, не надо, – энергично протестует Феня; – разве можно наравне с православными христианами поганого пса упоминать?

– А разве Филатка поганый? Да он лучше и добрее всех, – не менее энергично заступаюсь я за своего четвероногого друга и прибавляю без малейшего смущения, осеняя себя крестом: И дай им всем, добрый Боженька, здоровья и успеха во всех их делах!

Конечно, к Филату относилось только первое, так как его собачьи дела не требовали особого успеха. Стеречь двор, дом и оглушительно лаять при каждом появлении на дворе чужого человека – не Бог весть еще какое трудное дело. Но тем не менее, он выполнял его очень успешно. Стоит только появиться кому-либо незнакомому вблизи нашего дома, как Филат начинает так лаять и волноваться, что хоть из дому вон беги.

Папа находит это вполне нормальным и даже необходимым, но бабушка и тетя Муся, у которых от Филаткиного лая, долгое время звенит потом в ушах, уверяют что наш ревностный сторож и защитник – самый невозможный и неблагоприятный пес на земном шаре.

Я же совсем, совсем иного мнения по этому поводу. По-

моему, Филат и умница, и голубчик, и красавчик писанный, несмотря на свою свалянную, всклоченную шерсть.

В это лето мне минуло четыре года, и бабушка после совещания с папой и тетей Мусей решили, что для такой большой девочки няня Феня с ее первоначальной методой воспитания уже не подходит, и что необходимо пригласить в дом бонну-немку, которая бы обучила меня манерам и немецкому языку.

Мы жили в нашем маленьком имении Новгородской губернии, в «медвежьем углу», как называли его наши столичные знакомые. Папа с бабушкой долго совещались о необходимости пригласить в дом пожилую особу, так как молодая, наверное бы скоро соскучилась и уехала бы из нашего медвежьего угла.

Вот этого я уже никак не могла понять. Что могло быть в сущности лучше нашей усадьбы, окруженной тенистым садом, а дальше лесом, чудесным мохнатым лесом, где росли весною цветы, летом ягоды и осенью грибы. Такие славные скользкие с самыми разнообразными шапочками пахучие грибочки, которые мы с Феней постоянно ходили собирать. А купанье летом в студеной милой речке! А посещение коровника, птичника и конюшни? О, мало ли сколько незаменимых удовольствий скрывалось в нашей славной усадьбе! И все это еще летом только! А зимою? Зимою ледяная гора в саду – это раз, поездки с папой в санях, запряженных тройкой – это два, и постройки снежного дворца ловкими

руками Фени – это три. Бог знает еще, согласится ли новая бонна лепить мне из снега дворец и бабу зимою, а летом купаться, держа меня на руках в нашей узенькой, но глубокой речке, или ходить по ягоды и по грибы. Новая бонна – не Феня, и вкусы у нее далеко не Фенины, конечно. И при одной мысли об этой новой бонне сердце мое стучит и бьет тревогу в груди, бедное маленькое четырехлетнее сердце. А тут еще разлука с любимой няней Феней не может не тревожить меня.

С горя ли, или по другой какой причине, недоступной моему детскому понятию, но Феня дала слово одному молодому приказчику, который служил в соседнем уездном городе, где мы жили раньше, выйти за него замуж. Тому самому любезному молодому приказчику, у которого мы постоянно покупали сласти, и который год тому назад снабдил меня шоколадной уткой.

Свадьбу справляли у нас в «Милом» (так называлась наша усадьба) и благословляли молодых бабушка и папа, а тетя Муся взяла на себя роль главной подружки невесты. Ах, какая она была хорошенькая, моя милая няня, в своем новеньком с иголки белом шерстяном платье с тюлевым вуалем на голове! А приказчик мне на этот раз совсем не понравился. Уж слишком сильно напоядил он себе волосы и уж очень скрипели у него новые сапоги. Мне почему-то было очень грустно в тот вечер. Когда молодые, вернувшись от венца, ужинали у нас в столовой, я убежала в детскую, ки-

нулась на сундук, где еще недавно спала няня и с которого теперь была увезена в город на квартиру ее мужа-приказчика ее мягкая перина и подушка, и залилась горькими слезами первого неподдельного детского горя. Мне было и жаль Феню и досада и обида вместе с тем против нее клокотали в моем детском сердечике.

«Вот, — думалось мне, — ей и горя мало, что уезжает от нас. Всех там променяла на одного противного приказчика. А я теперь одна останусь. И сказку про Дюймовочку не услышу больше. Ведь бабушка и папа не умеют так хорошо рассказывать, как Феня. А она и не плачет даже, что Люсеньку покидает, что Люсенька теперь без нее останется одна».

Слезы мои льются все сильнее и сильнее. Скоро они переходят в громкие всхлипывания. Всхлипывания грозят каждую минуту превратиться в потрясающий душу рев. Вдруг, что-то горячее и шершавое касается моего лица, трогает мои мокрые глаза щеки, нос, уши...

С ужасом откидываюсь я назад, испуганно раскрываю залитые слезами глаза и тут же радостно вскрикиваю сквозь слезы: — «Филатка! Милый Филатка! Ты это? Как я рада, что ты пришел»!

Это, действительно, он, мой четвероногий приятель. Положил обе передние мохнатые лапы на краешек сундука и добросовестно лижет мое залитое слезами лицо. А его пушистый, хоть и сваленный в достаточной мере хвост, резко барабанит по полу в порыве самого исступленного умиления.

Я нежно обнимаю его кудлатую голову, прижимаюсь к ней лицом и обиженным размякшим от слез голосом шепчу:

– Филатушка! Филатик мой мохнатенький, мой кудлатенький, золотенький мой. Любименький мой песик Филатушка. Ты один у меня остался! Няня Феня бросила меня. Бабушка с папой бонну пригласили. Злую, нехорошую, Филатушка! А ты не злой! Ты – хороший! Ты любишь свою Люсеньку и в обиду ее не дашь! Ведь не дашь, Филатушка? А?

Наглядное доказательство того, что он, действительно, не даст меня в обиду, выражается у него в тихом повизгивании и усиленном постукивание об пол хвостом. Потом мы оба неожиданно засыпаем: я на жестком лишенном подстилки сундуке с невысохшими еще на ресницах слезами, Филатка у подножия моего жесткого неудобного ложа, свернувшись клубочком, на полу.

Должно быть, сон мой на этот раз довольно крепок, потому что я совершенно не чувствую как молодая новобрачная осторожно входит в комнату, и обливаясь слезами, раздевает меня «в последний раз» и укладывает в постельку. Затем, стоит еще некоторое время у моего изголовья и любит меня мною, точно желая запечатлеть в своей памяти черты маленькой капризной девочки, доставлявшей ей столько хлопот. Но об этом я узнаю только на другое утро со слов бабушки и тети Муси, присутствующих при последнем прощании со мною моей молоденькой няни. Узнаю я и еще другую менее приятную новость: приехала новая бонна-немка и

ожидает моего пробуждения в столовой.

Ах, как не понравилась мне она с первой же минуты ее появления на пороге детской! Какая она старая, некрасивая и, должно быть, злая! У нее очки на носу, а самый нос длинный-предлинный. У моей же милой нянечки Фени был такой хорошенький, задорный, вздернутый кверху, как у куколки носик! Я узнала сразу же, что новую бонну зовут фрейлейн Амалия, и что по-немецки *Gutten morgen* означает «доброе утро». Шершавыми руками она (поневоле вспоминаются нежные ручки Фенечки) натягивает мне чулки на ноги и застегивает сапожки.

– Не надо их смущать обеих. Пусть наедине познакомятся хорошенько! – говорит тихо бабушка тете Мусе, и обе они незаметно исчезают из моей детской.

– Ну, *Kindchen*¹, – говорит мне фрейлейн Амалия, – давай умываться, а потом я причешу тебе головку.

Но я не имею ни малейшего желания ни мыться ни причесывать головы. Куда было бы приятнее покапризничать и поскандальить хорошенько. И когда мокрая губка прижимается к моему лицу, я начинаю неистово реветь и мотать головой.

Прибегает тетя Муся, берет меня с мокрым от слез и воды лицом к себе на колени, участливо расспрашивает, в чем дело, и уговаривает не плакать. Но я продолжаю реветь, не слушая никаких уговоров, мотать головой и вопить на всю

¹ Дитяtko.

детскую благим матом.

– Няню Феню хочу... Мою няню Феню, а эту вон... вон... вон!..

Тетя Муся совсем сконфужена и смотрит растерянными виноватыми глазами на немку. Но фрейлейн Амалия, смущенная не меньше, спешит ее успокоить: «О, это ничего, это случается... Дитя привыкнет понемножку... С первого дня и требовать от нее нельзя привязанности к новому человеку. Все устроится. Не беспокойтесь, пожалуйста, не беспокойтесь!»

Но мне эти утешения приходятся далеко не по вкусу. Я взглядываю на нее сердитыми глазами исподлобья и весьма недвусмысленно бросаю в лицо немке.

– Уйди вон. Я тебя не хочу!

Тогда наступает очередь рассердиться тете Мусе.

– Гадкая, капризная девчонка! – говорит она, слегка награвая меня шлепком. – Как ты можешь так обижать фрейлейн Амалию? Она добрая, уже успела полюбить тебя и так ласкова с тобою, а ты так огорчаешь ее. Не хочу тебя знать после этого. Одевай платье и ступай к папе, пусть он накажет тебя.

И быстрыми руками тетя Муся накидывает на меня мое светлое ситцевое платьице и, взяв за руку, ведет в кабинет к отцу.

Мой папа очень занятой человек. И сейчас у него приказчик с утренним отчетом по делам имения. И настроение у

него не совсем хорошее нынче.

– Люся опять капризничает. Приструнь ее хорошенько, Сергей, – просовывая свою хорошенькую головку в дверь кабинета, говорит тетя Муся. Положительно, папа не в духе сегодня. Какие-то счета не сходятся, потом вчера крестьянские лошади забрались в наш овес и пропала самая хорошая курица из птичника. Все это очень неприятно. А тут еще мой рев. Он сбрасывает нетерпеливым движением пенсне с носа, смотрит на меня с минуту очень строго не говоря ни слова; и, наконец, потом произносит внушительно:

– Ступай в столовую, выпей молока и возвращайся сюда. Ты будешь до завтрака сидеть на диване и писать палочки.

Ох уж этот диван! Я познала его в самые тяжелые минуты жизни. Он обтянут коричневой клеенкой, кое-где порванной, кое-где закапанной чернилами. В редких, очень редких случаях жизни, когда я особенно провинюсь, меня сажают на этот диван, дают мне в руки карандаш, бумагу и, положив мне на колени старую папку, заставляют выводить палочки, ровные палочки на большом, большом листе бумаги. Одну строчку палочек, другую, третью, и до тех пор, пока не покроется ими целая страница, и маленькая преступница тогда отпускается с миром. Это удивительно несносное и скучное занятие – выводить палочки, сидя целый час на одном месте, и знать, что на дворе в это время ярко светит солнышко, что в саду, в его тенистых аллеях так прохладно и хорошо; знать, что неизменный друг Филат уже ждет у крыльца свою

маленькую хозяйку, заблаговременно приходя в умиление от предстоящего с нею свиданья и сентиментально помахивает хвостом. О, соблазн слишком велик, чтобы маленькая четырехлетняя девочка могла не подчиниться его искушению! И вместо того, чтобы отправиться на злополучный диван отбывать положенное наказание, я, выпив стакан молока, подаренный мне Лукерьей, и скушав не без удовольствия очень сдобную и очень вкусную булку, медленно, потихоньку, прокрадываюсь в сад.

На мое счастье, тетя Муся занята своей газетой; она вся углубилась в чтение, не замечая моего маневра.

В саду у крыльца не видно Филата. Должно быть, кучер или садовник взял его с собою в город, куда ежедневно наши люди отправляются за покупками и на почту, благо уездный городок находится от «Милого» всего на расстоянии двух верст. Тогда в полном одиночестве я углубляюсь в ближайшую аллею... И, о ужас! вижу там мелькнувшее серое платье фрейлейн Амалии. Это серое платье ненавистно мне не менее самой его обладательницы. Встретиться сейчас с бонной совсем уже не входит в мои расчеты. Напротив того, я страстно хотела бы, чтобы она уехала от нас и как можно скорее. А на ее место пришла бы снова моя милая няня Фенечка. Голова моя несколько минут работает над возможностью приведения в исполнение такой комбинации. Но как избавиться от присутствия этой чужой и неприятной для меня особы — решительно не могу придумать. Наконец, после долгих рас-

суждений, мой четырехлетний мозг соображает: если убежать куда-нибудь и спрятаться так, чтобы меня долго, долго искали и не могли найти, то фрейлейн Амалия подумает, пожалуй, что я и совсем пропала, что меня унесли цыгане или трубочист или, по меньшей мере, Зеленый, и уедет спокойно туда, откуда приехала. А я, тем временем, преблагополучно вернусь домой и не увижу там больше ненавистной мне новой бонны. Этот нехитрый план кажется мне таким прекрасным и удобным, что, не теряя ни минуты, я решаюсь тотчас же приступить к его выполнению. Прячась за кустами, чтобы не быть замеченной прогуливающейся по саду фрейлейн Амалией, я проскальзываю на двор и скрываюсь за большим зданием конюшни. За конюшней тотчас же начинается огород. Шмыгаю за гряды и почти ползком достигаю дальнего его конца. Остается миновать несколько разрушенную часть изгороди, и я на свободе! Тут же начинается небольшая поляна, обильно заросшая кустами брусники, которая так заманчиво алеет всегда по осени (теперь еще ягоды ее далеко не созрели), а за поляной лес.

Блестящая мысль осеняет мою голову. Если перейти поляну и скрыться, где-нибудь на лесной опушке за кустами то уже, наверное, ни одна душа в мире меня там не найдет.

Меня будут кликать, звать, аукать, но я не отзовусь ни за что. «Ни за что не отзовусь, пока не уедет Амалия», самым энергичным образом решаю я и пускаюсь в мое далеко не безопасное для четырехлетнего ребенка путешествие. Я

уже благополучно пересекаю большую часть поляны, когда, к полному моему удивлению и неожиданности, вижу странного зверя, выскочившего из леса.

«Волк!» приходит мне мгновенно в голову тревожная мысль. Но тут же убеждаюсь что это далеко не волк, а только собака (я отлично знакома со внешностью волков по картинкам), хотя и очень странная собака, какой я еще ни разу не встречала за мою короткую до сих пор жизнь. У этой собаки шерсть поднята дыбом, корда вымазана в крови, а глаза... Ой, какие глаза! Я вижу их издали, как они горят точно две маленькие свечки. Она несется, эта страшная собака, прямо на меня, с опущенным вниз хвостом и с такими ужасными, горящими глазами!

Инстинктивно, почуяв опасность, я прячусь за ближайший куст, но куст едва доходит мне до колен, а расстояние между мною и страшной собакой все уменьшается и уменьшается с каждой секундой.

Вот она уже ближе, ближе... Теперь я ясно различаю еще одну подробность в ее странной внешности: пена падает кусками у нее изо рта. Собака теперь всего в каких-нибудь десяти шагах от меня... Ее страшные глаза смотрят на меня так, точно она вот-вот съест меня сию минуту или же икусает до полусмерти...

– Ай! – вскрикиваю я неожиданно для самой себя и заливаюсь отчаянным ревом.

– Гам! Гам! Гам! – раздается тотчас же за моей спиной.

Я быстро оборачиваюсь: «Филат»! Он несется стрелою прямо навстречу страшной собаке... Вот промчался ураганом мимо меня... Вот слышится уже не один, а два собачьих голоса... Затем визг, отчаянный, пронзительный, страшный... От ужаса я падаю на траву подле брусничного куста и крепко прижимаю глаза. Трясусь и реву благим матом. Реву на всю поляну, на всю усадьбу, кажется, на весь лес...

Собаки грызутся... Грызутся яростно, на смерть... Хрипенье, визг и дикое рычание чередуются между собой... От страха я уже ничего не помню и не понимаю... Впечатления слишком сильны для такой маленькой девочки, и я теряю сознание...

Прихожу в себя и вижу, как сквозь сон знакомые, милые лица: бабушку, папочку, тетю Мусю...

– А где Филатка? – слабым голосом осведомляюсь у них и снова впадаю в забытие.

С того злополучного дня я несколько недель лежу в нервной горячке. Никого нее узнаю, брежу то страшной собакой, то фрейлейн Амалией, то отчаянно с упорством зову своего друга Филатку. Но мой организм, здоровый и крепкий, в конце концов, побеждает болезнь. Жизнь и сознание мало-помалу возвращаются ко мне.

Но еще проходит немало времени, пока меня худенькую, слабенькую и изменившуюся до неузнаваемости, спускают с кровати и, поддерживая с двух сторон, прогуливают по комнате. Я вижу теперь подле себя вымученные, исхудалые ли-

ца. Бабушка, папочка и тетя Муся, как узнаю после, не отходили ни на шаг от моей постели. Они трепетали все за жизнь их проказницы Люси.

На дворе уже осень, когда я впервые чувствую себя вполне здоровой. Деревья, разукрашенные малиновым, пурпурным, желтым и оранжевым цветом, стоят еще пышные и нарядные, хотя листья уже обильно посыпают дорожки сада. Меня тянет туда, в эти милые аллейки. По страшному течению мыслей, перебрасываюсь от желания побегать по саду к нестерпимому желанию увидеть моего друга Филата. Уже несколько раз во время болезни я спрашивала о нем у моих домашних. И всегда получала какие-то неопределенные, уклончивые ответы.

Зато о фрейлейн Амалии я узнала все очень скоро. Во время моей болезни я так напугала всех своим горячечным бредом т постоянным упоминанием имени бонны, что мои домашние решили, укрепя сердце, отказать ни в чем невинной фрейлейн Амалии от места.

Итак, злополучной фрейлейн Амалии уже не было у нас в доме, а Филат...

– Где же Филат? Я хочу Филата! Позовите мне Филата! Приведите его ко мне! – потребовала я, наконец, капризно, широко пользуясь своим правом выздоравливающей.

Тогда со всевозможными предосторожностями папа, взяв меня на руки и прижимая к груди открыл мне то, что они все так тщательно скрывали от меня до этой минуты.

В тот злополучный день на меня, действительно, готовилась сделать нападение страшная собака. Страшная, потому что она была бешеная, и Филат, подоспевший вовремя сумел героически защитить от нее свою маленькую госпожу. Когда привлеченные моим отчаянным плачем и диким рычаньем собак старшие прибежали на поляну, бешеная собака лежала насмерть искусанная верным Филатом, а сам Филат с тихим визгом зализывал свои раны.

Увы, эти раны от укусов бешеного пса привели к плачевным последствиям. Мой бедный, милый Филатка взбесился тоже и его, волей-неволей, пришлось застрелить.

Все это очень осторожно сообщил мне папа, державшийся строгого правила никогда не обманывать детей.

Боже мой, как горько я заплакала, узнав эту печальную новость! Филата нет, Филата не существует больше, Филат никогда уже не будет встречать моего пробуждения утром, не станет дожидаться моего появления у крыльца! Никогда, никогда не увижу я больше моего четвероногого приятеля, верного товарища моих детских игр!

И вот, на основании всего пережитого мне приходит в голову неожиданная мысль: что, если бы я не капризничала в то утро, не убежала бы от бонны, не встретила по дороге к лесу страшную бешеную собаку, Филату не пришлось бы выручать меня, и он остался бы со мною, мой бедный друг!..

Жгучее раскаяние острым уколом в самое сердце, в маленькое четырехлетнее сердце, дает знать о себе. Мне мучи-

тельно жаль Филата, и горько-досадно на себя... О, с каким восторгом я бы вернула тот печальный день! Пусть бы водворилась снова в нашем доме ненавистная мне фрейлейн Амалия с ее очками и длинным носом, я бы слушалась каждого ее слова, я бы была покорной и кроткой, как овечка, лишь бы не погиб Филат, лишь бы мой четвероногий приятель оставался тоже со мною! И слезы тихие и печальные, некапризные, а хорошие слезы, потекли еще обильнее по моему осунувшемуся за долгую болезнь лицу.

С этого дня наступил знаменательный перелом к лучшему в моем характере. Капризы исчезли. Исчезло и упрямство, и желание всегда настоять на своем.

Старшие очень скоро заметили эту благую перемену в их любимце и приписали ее общему перерождению моего организма, вследствие перенесенной мною серьезной болезни. На самом же деле здесь крылась совсем другая причина.

Лишь только мною овладевало снова желание покапризничать, вмиг мелькал в моем воображении собачий облик моего четвероногого друга, погибшего вследствие такого же каприза его маленькой госпожи. Кротко с мягким укором, смотрели на меня его добрые собачьи глаза, и я как будто слышала тихое, ласковое повизгивание, без слов предохранявшее меня от всего дурного. И точно невидимая сила останавливала меня от дурных поступков. Мой характер настолько изменился к лучшему, что, когда много позднее в наш дом приехала новая гувернантка, сменившая бедную фрейлейн

Амалию, о которой я расскажу в одной из последующих глав, я встретила ее как желанную гостью и старалась доказать на деле, что маленькая Люся далеко не дурной человек.

III

Царевна Мигуэль

«Далеко, далеко, на самом конце света находилось большое прекрасное синее озеро, похожее своим цветом на огромный сапфир. Посреди этого озера на зеленом изумрудном острове, среди мирт и глициний, перевитая зеленым плющом и гибкими лианами, стояла высокая скала. На ней красовался мраморный дворец, позади которого был разбит чудесный сад, благоухающий ароматом. Это был совсем особенный сад, который можно встретить разве в одних только сказках.

Владельцем острова и прилегавших к нему земель был могущественный царь Овар. А у царя росла во дворце дочь, красавица Мигуэль – царевна»...

Пестрою лентой плывет и разворачивается сказка. Клубится перед моим духовным взором ряд красивых, фантастических картин. Обычно звонкий голосок тети Муси теперь понижен до шепота. Таинственно и уютно в зеленой плющевой беседке. Кружевная тень окружающих ее деревьев и кустов, бросают подвижные пятна на хорошенькое личико юной рассказчицы. Эта сказка – моя любимая. Со дня ухода от нас моей милой нянечки Фени, умевшей так хорошо рассказывать мне про девочку Дюймовочку, я слушаю с удовольствием единственную только сказку о царевне Мигуэль. Я люблю

нежно мою царевну, несмотря на всю ее жестокость. Разве она виновата, эта зеленоглазая, нежно-розовая и златокудрая царевна, что при появлении ее на свет Божий, феи вместо сердца вложили кусочек алмаза в ее детскую маленькую грудь? И что прямым следствием этого было полное отсутствие жалости в душе царевны. Но зато, как она была прекрасна! Прекрасна даже в те минуты, когда движением белой крошечной ручки посылала людей на лютую смерть. Тех людей, которые нечаянно попадали в таинственный сад царевны.

В том саду среди роз и лилий находились маленькие дети. Неподвижные хорошенькие эльфы прикованные серебряными цепями к золотым колышкам, они караулили тот сад, и в то же время жалобно звенели своими голосами-колокольчиками.

– Отпусти нас на волю! Отпусти, прекрасная царевна Мигуэль! Отпусти нас! – Их жалобы звучали как музыка. И эта музыка приятно действовала на царевну, и она частенько смеялась над мольбами своих маленьких пленников.

Зато их жалобные голоса трогали сердца проходивших мимо сада людей. И те заглядывали в таинственный сад царевны. Ах, не на радость появлялись они здесь! При каждом появлении непрошенного гостя, стража выбегала, хватала посетителя и по приказанию царевны сбрасывали его в озеро со скалы.

А царевна Мигуэль смеялась только в ответ на отчаянные

вопли и стоны тонувших...

Я никак не могу понять еще и теперь, каким образом пришла в голову моей хорошенькой жизнерадостной тетки такая страшная по существу, такая мрачная и тяжелая сказка! Героиня этой сказки – царевна Мигуэль, конечно, была выдумкою милой, немного ветреной, но очень добренькой тети Муси. Ах, все равно, пусть все думают, что выдумка эта сказка, выдумка и самая царевна Мигуэль, но она, моя дивная царевна, прочно водворилась в моем впечатлительном сердце... Существовала она когда-нибудь или нет, какое мне до этого в сущности было дело, когда я любила ее, мою прекрасную жестокую Мигуэль! Я видела ее во сне и не однажды, видела ее золотистые волосы цвета спелого колоса, ее зеленые, как лесной омут, глубокие глаза.

В тот год мне минуло шесть лет. Я уже разбирала складки и при помощи тети Муси писала вместо палочек корявые, вкось и вкривь идущие буквы. И я уже понимала красоту. Сказочную красоту природы: солнца, леса, цветов. И мой взгляд загорался восторгом при виде красивой картинки или изящной иллюстрации на странице журнала.

Тетя Муся, папа и бабушка старались с моего самого раннего возраста развить во мне эстетический вкус, обращая мое внимание на то, что для других детей проходило бесследным.

– Смотри, Люсенька, какой красивый закат! Ты видишь, как чудесно тонет в пруду багряное солнце! Гляди, гляди, те-

перь совсем алой стала вода. И окружающие деревья словно охвачены пожаром.

Я смотрю и вся закипаю восторгом. Действительно, алая вода, алые деревья и алое солнце. Какая красота!

* * *

Я помню отлично, это было утром. Я еще нежилась в кровати, не желая вставать. Лукерья только что вернулась с базара из города с большущей корзиной, наполненной до краев самой разнообразной провизией и зашла в мою детскую. Особенно демонстративно торчали из корзины красная палочка морковки и связанные для чего-то лапочки битого петуха. Своей птицы у нас не ели. Бабушка не выносила крови, и наши домашние куры могли совершенно спокойно разгуливать по птичнику и нести яйца, не опасаясь трагического конца.

– Приехали, барыня-матушка, суседи-то! Вчерась только и приехали. Самого управителя ихнего на базаре повстречала. Артишоков и спаржу искал. Сказывают, сам-то граф, кроме зелени да фруктов иной пищи и не употребляют, потому как алтерьянец они...

– Ха... ха... ха! алтерьянец, вот так слово! – подбегая к Лукерье и раскатисто смеясь, вскричала тетя Муся. – Как ты язык не сломала на нем! Вегетарианец... понимаешь. Вегетарианец... – с тем же смехом протянула она.

– А мне-то, што! Мне все едино, што так, што этак! Пу-
щай хоть по-вашему будет, – снова согласилась всегда невоз-
мутимая Лукерья.

До уха моего долетели эти новые и крайне интересовав-
шие меня слова. И к тому же, было что-то необычайное в
выражении лиц, с которым сидевшая за расходной книгой
бабушка и находившаяся тут же в комнате тетя Муся, при-
няли известие о приезде соседей. Седые брови бабушки вы-
соко поднялись при этом, а светлые глазки тети Муси так
и заискрились самым неподдельным оживлением. Этого бы-
ло вполне достаточно, чтобы я живо заинтересовалась таин-
ственным вегетарианцем, для которого покупались такие до-
рогие яства, как спаржа и артишоки.

– Кто приехал? Кто? – мгновенно соскакивая с кровати,
с которой только в этом году сняли синий переплет и дергая
Лукерью за передник, кричала я.

Тетя Муся взглянула на меня, лукаво прищулив глазки.

– Царевна Мигуэль приехала, вот кто! – смеясь прогово-
рила она.

– Царевна Мигуэль? – В первую минуту я даже захлеб-
нулась от счастья. Не соображая того, что героиня моей лю-
бимой сказки ни коим образом не могла появиться на фоне
реальной жизни, я, преисполненная самого дикого востор-
га, начинаю хлопать в ладоши и кричать: «Царевна Мигу-
эль здесь! Моя милая, моя прекрасная, моя чудная царевна,
здесь! Как я счастлива, как я счастлива...» Затем, соскаки-

ваю с постели и босая, в одной рубашонке, прыгаю по комнате: «Царевна Мигуэль! Царевна Мигуэль!» словно зачарованная милым именем повторяю я.

Бабушка старается меня унять. Тетя Муся смеется. Лукерья, умиленная моими бурными восторгами, смотрит на меня с широчайшей улыбкой.

– Будет уже тебе, Люсенька, будет, одеваться пора, гляди, уж солнышко давно встало! – говорит бабушка и, так как я все еще не намерена уняться, и прийти в себя, она насильно водворяет меня к себе на колени и принимается за мой туалет, не переставая в то же время журить мою молодую тетку: «И не стыдно тебе, Муся, голову засаривать ребенку всяким вздором. Да и прежде всего непедагогично это восхвалять какую-то неправдоподобную людоедку или что-то в этом роде, – словом поощрять жестокость. Нечего сказать, останется доволен граф, когда знает, что прототипом твоей сказочной людоедки ты взяла его Аничку».

– Но, мамочка, чем я виновата, что маленькая графинюшка совсем царевна Мигуэль, насколько я ее помню, по внешнему виду, по крайней мере, – оправдывается тетя Муся, все еще лукаво поглядывая на меня.

– Что-о-о-о? – Я сразу падаю с неба на землю, – так моя Мигуэль не царевна вовсе, а какая-то графинюшка? – и мое приподнятое настроение сразу тускнеет. И желание зареветь благим матом вследствие наиглубочайшего в мире разочарования и разбитых внезапно иллюзий, непреодолимо захва-

тывает меня. В эту минуту на пороге детской появляется мой отец, и я сдерживаюсь поневоле.

– Мамаша! Муся! Вы слышали Олег Валентинович вернулся со всей своей семьей из-за границы и завтра приглашает нас всех обедать к себе. Кажется, там какой-то семейный праздник. Вот и письмо. Понюхай как вкусно пахнет, Муся. Это по твоей части. – И помахав в воздухе белым конвертом из крепкой английской бумаги, в углу которого стояла золотая монограмма под графской короной, папа провел им слегка по кончику вздернутого Мусина носика.

– Ах! Вот приятный сюрприз! – вся вспыхнув от радости, проронила моя молодая тетушка. – Непременно, во чтобы то ни стало, едем туда, Сергей.

– Ну, а меня старуху уж увольте от такого путешествия. Ты, Сереженька, отправляйся с Богом. Захвати сестру и дочурку, а я уж стара по гостям ездить. Избавьте, – отказалась бабушка.

– Как желаете, мамаша, я не настаиваю. Да и брать ли еще Люсю – подумать надо, – и мой отец вопросительно взглянул на свою мать.

О, как болезненно сжалось в эту минуту мое детское сердечико! И как сильно, сильно забилося оно во мне затем. Что? Они не хотят брать меня к царевне Мигуэль, или к таинственной графинюшке, так странно слившейся с нею в одном лице? И я готова была разрыдаться с горя. Вероятно, лицо мое красноречивее всяких слов выражало охватившее

меня отчаяние, потому что мой отец сразу склонился надо мною и пришел на помощь моему детскому горю: «Ну, ну... только не плакать мне, смотри, Люсенька. Так и быт, прихватим с собою и тебя, хотя в доме графа д'Оберн тебе ничему не приходится учиться; там процветают только, богатство роскошь и непроизводительные расходы, а мы с тобой, должны быть скромными маленькими людьми. Но уж раз тебе эта поездка так улыбается, что делать – едем! Довольна ты?»

Как тут было не оставаться довольной? И он еще спрашивает меня об этом! В подтверждение моей радости я взвизгиваю на весь дом и начинаю кружиться волчком по комнате до тех пор, пока тетя Муся не ловит меня за руку и не водворяет к умывальнику с целью закончить мой туалет.

Когда на следующий день мы все трое, папа, тетя Муся и я приближаемся в нашей деревенской, на дребезжащих рессорах, коляске, запряженной гнедым Ветром и его женой Бурей, к графской усадьбе, мне радостно и как-то жутко в одно и то же время, и кажется что мое маленькое сердце вот-вот готово разорваться от волнения на несколько десятков, сотен кусков.

Бедное маленькое сердце! Бедная глупенькая девочка Люся! Как трепещет она вся непреодолимым желанием увидеть поскорее свою царевну Мигуэль!

Бабушка нарядила меня в мое лучшее платье, все в прошивках, с малиновыми бантами на плечах и с таким же поясом. Банты вздрагивают как крылышки при малейшем дви-

жении, а прокрахмаленное до последней степени платье стоит, смешно топорщась вокруг моей маленькой смешной фигурки.

Вот наша коляска поравнялась с чугунной оградой загородной усадьбы графа д'Оберн. Отсюда до нашего уездного города, насчитывалось всего лишь полчаса ходьбы. Когда мне приходилось прежде проходить или проезжать с кем-нибудь из старших мимо этой усадьбы, всегда пустовавшей с того времени, как я начинаю себя помнить, мое детское любопытство бывало всегда затронуто при виде высокой стальной решетки и главных ворот с гербом д'Оберн над ними под графской короной на флаге развевающемся у входа. Жил в «Анином», как называлась графская усадьба, только немец управляющий с женой и малолетней дочерью, да старая англичанка-гувернантка и целый штаб графской прислуги: садовники, конюхи, лакеи и повар с двумя поварятами. Сам граф с семьею находило постоянно за границей, где лечился от самых разнообразных недугов. Но здесь в «Анином» несмотря на его отсутствие, царил образцовый порядок, и все казалось было готово каждую минуту к приезду графской семьи. В конюшне стояли тщательно убранные сытые лошади, на садовых куртинах, если то было лето, цвели самые разнообразные породы роз и других пахучих цветов. Полны ими были и оранжереи графа. Тщательно выполоты и усыпаны гравием дорожки сада. Зимой же каждая аллея сада была очищена от снега. Статуи находившиеся в саду

и сверкавшие в летнюю пору мраморной белизною, на зиму тщательно прятались в большие деревянные футляры, казавшиеся в ночную пору черными привидениями, пугавшими окрестных крестьян. Окна дома, не глядя на время года – зимою, весною, летом и осенью, улыбались одинаково чисто вымытыми стеклами искрившимися в лучах солнца. И только опущенный флаг один говорит об отсутствии в «Анином» хозяев. Сейчас же он был поднят, этот флаг с вышитым на нем гербом д'Оберн, под графской короной.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогие гости, – говорил несколько в нос и нараспев изысканно одетый во все светлое с пергаментным лицом высокий седой старик, встречая нас на террасе дома.

Это был сам граф д'Оберн, потомок и последний отпрыск старинной аристократической фамилии Франции. Его предки когда-то эмигрировали в Россию, еще при императоре Александре Павловиче и были любезно приняты и обласканы государем. Им дали видные должности при дворе и с тех пор фамилия д'Оберн окончательно обрусела, и потомки французов-эмигрантов, служа и добиваясь положения при русском дворе, богатели от его щедрот.

Сухой, изящный, болезненный на вид хозяин «Анина», со своими сдержанными манерами и холодной величавой улыбкой, скорее походил по виду на английского лорда, нежели на француза по происхождению.

Две дочери графа, барышни-подростки, и два его малень-

ких сына, окружали отца. Одна из юных графинь, белокурая, румяная, с слегка косящими глазами, девочка лет двенадцати, понравилась мне своей простодушной, мягкой и доверчивой улыбкой. Другая шатенка, года на три старше сестры, была точной копией своего отца. То же надменное выражение бесцветного лица, та же корректно-любезная, словно неживая улыбка, те же сдержанные, величавые, как у взрослой барышни, манеры. А гладко причесанные волосы и серьезные недетские глаза делали ее много старше ее лет. Молодых графинь, как я узнала от тети Муси, звали Лиз и Китти. Оба маленькие графчика были очень милы в своих модных костюмах юных денди с их манерою держаться, заимствовано, очевидно, у взрослых молодых людей. Одному из них, старшему Этьену, то есть попросту Семену, было на вид лет восемь. Другому – Ваде, Вадиму, шесть лет. Они оба, почему-то, напомнили мне тех маленьких обезьянок-мартышек, которых нищие болгары водят по дворам. Молоденькие графини Лиз и Китти протянули мне руку, а мальчики с самым серьезным образом расшаркались передо мною, как перед вполне взрослой девицей. Подросла их гувернантка, швейцарка m-me Клео со своей маленькой дочкой Лили, приблизительно моего возраста. Лили мне не очень понравилась. Она слишком насмешливо и бойко поглядывала на меня живыми черными, как два жучка, глазенками, детально рассматривая всю мою пышно разодетую особу. Потом, свысока кивнула мне своей завитой барашком, темной головкой. Я же вовсе

не поздоровалась с нею, пользуясь тем, что старшие не смотрели на нас в эту минуту, и демонстративно повернула ей спину.

– Пусть дети познакомятся вне нашего присутствия, – произнес старый граф, обращаясь к моему отцу и тете Мусе, которую уже завладели юные графинюшки, величая Лиз и косенькая Китти, развлекая ее разговорами. – Пусть мои шалуны покажут ей сад. – Но я не вижу Ани? Где Ани? *Qu'est-elle-donc?* Где же она? – поворачиваясь в сторону гувернантки, спросил он.

Madame Клео что-то быстро-быстро заговорила по-французски, так что я, научившаяся всего несколькими фразами на этом языке, ничего не могла понять. Но граф, очевидно, понял, что ему говорила швейцарка.

– Уж эта Ани, – произнес он, морща лоб, – беда мне с нею, – и что-то еще добавил по-французски по адресу моего отца и тети Муси, сопровождая слова свои извиняющейся улыбкой.

– Пойдемте с нами в сад, мы покажем вам дворец Ани, – произнес старший из мальчиков, Этьен, подставляя мне калачиком руку.

Востроносенькая Лили тихонько фыркнула.

– *Il se fait grand, il se fait grand, ma!*² – дергая мать за рукав, зашептала маленькая швейцарка.

Этьен не обратил никакого внимания на эти слова и с гор-

² Он хочет казаться взрослым, он хочет казаться взрослым, мама.

дым видом повел меня под руку. Вадя, его младший брат, надул губы. Очевидно, и ему хотелось казаться взрослым, и он завидовал Этьену. С вытянутыми трубочкой губами он поплелся за нами. Лили вприскок побежала вперед.

Графский сад с его затеями в виде искусственных гротов, беседок, фонтанов и горок, с цветочными клумбами и статуями на каждом шагу, показался мне великолепным парком. Прямые как стрелы, усыпанные гравием и обнесенные дерном, аллеи убегали далеко в чащу. Деревья и кусты, ровно подстриженные, ласкали глаз, Прелестный маленький пруд, обнесенный оградой, с хрустальной прозрачной водою сверкал на солнце миллиардами разноцветных огней. Изящная пристань красовалась у берега. Маленькая, похожая на игрушку, лодка мерно покачивалась на воде, прикрепленная цепью к одному из столбиков пристани. По белому фону, золотыми буквами на борте лодки значилось: «Ани».

Посреди пруда находился небольшой остров. Белый же ажурный в мавританском стиле домик помещался на нем. Чем-то сказочный веяло и от островка и от беседки-домика, похожего на крошечный дворец. И невольное сравнение его с дворцом Мигуэль пришло мне в голову. А вокруг острова росло целый лес чистых, словно из светлого воска вылепленных, цветов, царственно раскинувшихся на широких изумрудных листьях.

– Вот дворец Ани! – указывая рукой на кружевную белую беседки, произнес мой маленький кавалер.

– А вот и сама Ани и Мария с нею. В тот же миг зашуршали прибрежные кусты ракиты, и на дорожку выскочили две девочки: одна некрасивая, немного сутуловатая с бесцветными большими близорукими глазами с длинным, далеко не соответствующим ее детскому лицу, носом, другая...

– Царевна Мигуэль! – вырвалось из груди моей невольно при виде этой другой. Да, это была она, моя прекрасная, моя чудная царевна! То же гордое, надменное личико, те же зеленовато-прозрачные, как воды лесного ручья, глаза, те же, цвета спелой ржи, волосы, золотистыми локонами разбросанные вдоль спины и плеч. Она была немного выше меня и как будто старше годами. Но много стройнее. Белое легкое платье мягкими складками облегалo эту изящную фигурку настоящей саксонской куколки.

– Царевна Мигуэль! – вскричала я еще раз невольно, с умилением молитвенно сложив руки и глядя с нескрываемым восхищением на ее очаровательную головку, казавшуюся в лучах солнца совсем золотой.

– Какая смешная маленькая девочка, откуда взялась такая? – бесцеремонно, подняв в уровень с моим лицом свой белый тоненький пальчик, проговорила Ани.

– Это наша соседка, ее зовут Люсей, – забегая вперед, объяснила шустрая Лили.

– Тебя так зовут, правда, девочка? – уже вполне серьезно обратилась ко мне моя царевна, – она же и Ани, младшая дочь графа д'Оберн. Я замерла. Замерла от счастья, услыша

ее обращение непосредственно ко мне, и выпучив глаза и растянув рот в самую блаженную улыбку, стояла, не спуская глаз с моей воплотившейся, наконец, в реальный образ мечты. Вероятно, лицо мое было в достаточной мере глупо в эту минуту, потому что Ани громко расхохоталась, безо всякого стеснения указывая снова пальцем в мою сторону.

– Какая смешная! Ха, ха, ха, какая смешна девочка. Я еще не встречала таких. – Смех ее, против ожидания, был неприятный, слишком резкий и отрывистый; но даже и этот неприятный смех нравился мне, как неизбежная принадлежность моей царевны.

– Что же ты все молчишь, девочка? Может быть, ты проглотила язык? – снова рассмеялась Ани, прищулив глазки.

Бойкая Лили вторила ей, насмешливо поблескивая своими карими маленькими глазами. Но мальчики, Этьен и Вадя, хранили сосредоточенное молчание. Мария Клейн, дочь немца управляющего, как я узнала это потом, подняла на меня свои большие бесцветные глаза.

– Маленькая барышня сконфузилась. Это бывает, – произнесла, она, особенно отчеканивая слова.

Тут Этьен заложил правую руку за борт своего щегольского сюртука и произнес тоном нравоучения:

– А смеяться без причины не следует, потому что это глупо.

– А тебя об этом не спрашивают, – резко оборвала его сестра.

– Этьен всюду с носом, – подхватили Лили.

– Всюду с носом, – вторил ей младший графчик.

Ани взглянула на младшего брата так, как, по всей вероятности, глядел легендарный крыловский слон на изводящую его лаем Моську, затем подпрыгнула на одном месте, оборвала какую-то травку на длинном стебле и перекусив ее хищными, острыми, как у зверка зубками, бросила мне торопливо через плечо.

– А почему ты называешь меня царевной, смешная девочка?

Мое сердце забилося сильно, сильно...

Вот наступила она, так давно ожидаемая мною минута! Моя мечта воплотилась. Моя далекая греза была передо мною. Как часто в моих мыслях я составляла целые разговоры с нею, проектировала долгие бесконечные и сладкие беседы.

И вот, наконец, она здесь, подле меня... Она спрашивает, я должна ей ответить. Наконец-то я могу сказать ей, как сильно я ее люблю, так сильно люблю, что готова всю жизнь отдать ей, по первому ее слову. Но вместо всего этого я стою со сконфуженным видом перед нею и дико, тупо молчу. Противная, ненужная застенчивость сковывает мои губы. Но глаза мои, должно быть, красноречивее всяких слов выражают волнующее меня чувство. Слишком красноречиво, очевидно, говорили они в тот миг о моей любви к Ани, потому что царевна Мигуэль, наконец, сжалилась надо мной.

Ее маленькая ручка легла на мое плечо, а коралловые губки, почти касаясь моего уха, шепнули:

– Милая, смешная девочка! Что ты боишься меня, ведь я тебя не обижу и буду дружить с тобою, если ты дашь мне слово исполнять все, что я захочу. Дашь?

– Даю! – без минуты промедления произнес кто-то, помимо меня, моими губами.

– Ну вот, за это-то я и подружусь с тобою, – тоном настоящей владетельной принцессы, произнесла уже вслух Ани, надменным жестом, откидывая назад свою золотую головку.

И уже обращаясь ко всем остальным, протянула капризно и совсем по-детски:

– Я хочу на остров!

– Надо позвать садовника. Он отвезет нас. Кстати пригласить и m-me Клео, – рассудительно, копируя манеру говорит взрослого человека, сказал Этьен.

– Какие глупости! Разве Мария не с нами? Она почти большая Мария, ведь ей двенадцать лет. И m-me Клео отпускает меня всегда с с нею одну на остров, – уже нетерпеливо крикнула Ани.

– Но сама она стоит на пристани в это время, – вмешался снова Этьен.

– Ах, ты все сочиняешь... – засмеялась моя царевна Мигуэль, своим не совсем неприятным смехом, – скажи просто, что сам трусишь воды и поэтому не любишь кататься в лодке. – Этьен заметно покраснел и сконфузился при

этих словах. Очевидно, была некоторая доля правды в словах Ани. Темные глаза мальчика уставились в землю смущенным взглядом.

– Ха, ха, ха – залилась снова смехом Ани, с торжеством глядя в сконфуженное лицо брата.

– Этьен – трус, – неожиданно заявила быстроглазая Лили.

– Трус, – подтвердил эхом Вадя.

– Если бы даже это было и так, – вдруг сразу делаясь серьезной, проговорила Ани, взглядом уничтожающего презрения награждая Лили, – то тебе об этом говорить не приходится; ты должна всегда помнить, кто ты и кто мы.

Красная как рак Лили юркнула за спины мальчиков, ворча себе что-то под нос. Между тем, Ани с улыбкой, делавшей ее прелестной, прыгнула в лодку. Дети вскрикнули от неожиданности. А Мария Клейн стала белее своей белой блузки, надетой на нее в этот день.

– Тише, ради Бога осторожнее, Ани, вы знаете, что если случится несчастье с вами... – Она не договорила и тоже соскочила с пристани в лодку.

Странное у нее было лицо еь те минуты, когда она смотрела на маленькую графинюшку. Глаза большой девочки в такие минуты становились глубже и синее, а самые черты делались нежнее, мягче, и все некрасивое лицо хорошело от того внутреннего света, который лился из ее глаз. Несмотря на мой юный ребяческий возраст, я поняла смысл этой метаморфозы в лице Марии; я поняла, что последняя любит са-

мой преданной и нежной привязанностью мою очаровательную царевну Мигуэль. Не торопясь, Мария села на весла; между тем, Ани, держась за плечо большой девочки, кричали задорно из лодки:

– Ну, кто еще едет с нами? Или трусите? Стыдитесь! В этом пруду курица не утонет, глядите же, видно дно!

– Видно дно, – нашел нужным повторить поворачиваясь на одной ножке Вадя.

– Кто не с нами, тот против нас! – кричала Ани, громко смеясь, – Так всегда говорит рара!

Не знаю, но какая-то сила толкнула меня вперед.

– Я с вами! – вырвалось непроизвольно из моего рта.

Мне страстно захотелось в эту минуту показаться Ани бесстрашной и большой. Хотелось доказать моей царевне, что я не из тех, кто боится воды, как Этьен и ему подобные трусишки.

– Хочешь с нами? – Зеленые глазки Ани прищурились на меня. Яркие губки улыбнулись насмешливо. – Или мне так показалось только?

– Только осторожнее, не качай лодку, – строго проговорила Мария и, привстав с своего места, протянула мне обе руки.

И вот мы трое, она, моя царевна и я плывем к заветному островку. Остальная часть компании осталась ждать нашего возвращения на пристани. Я вижу издали завистливые взгляды Лили, которой, очевидно, очень хотелось отправить-

ся вместе с нами, немного сконфуженное лицо Этьена и добродушно улыбающуюся Вадину толстененькую мордочку.

Мария гребет. Я никак не ожидала такого умения и ловкости от этой неуклюжей на вид, сутуловатой девочки. Ее чересчур длинные, как у обезьяны, руки цепко держат сильными пальцами, весла, а от равномерных движений последних, лодка с каждым новым взмахом быстро подвигается вперед.

– Мы плывем на мой остров к моему дворцу, – говорит по пути Ани, обращаясь ко мне и держа шнурки руля у талии, – так Мария назвала как-то белую беседку на острове, с тех пор это так и осталось. Одних нас туда не пускают... А с m-me Клео и Марьей можно. Потому что Мария очень благоразумная и рассудительная. Это даже сам рара говорит. Она все знает, все умеет... И грести, и плавать, и на лыжах бегать. А ты умеешь бегать на лыжах? – неожиданно ошорошивает меня вопросом Ани.

Бог мой, чего бы только я не отдала сейчас лишь бы иметь возможность сказать «да» этой очаровательный Ани! Но, увы! бег на лыжах я знала до сих пор только по картинкам, а лгать я не умела совсем. Но, на мое счастье Ани и не требовала теперь от меня ответа. Она задумалась, наклонившись над бортом лодки. Черные шнурочки ее бровей почти сдвинулись, сошлись на переносице. Зеленые немного выпуклые глазки сосредоточенно смотрели в пруд. Длинные золотые волосы спустились с плеч и повисли над водой. Мария, оставив на мгновение грести, любовалась ею.

– Русалка! Вы похожи сейчас на маленькую русалочку, Ани, на маленькую такую, славненькую русалочку, – говорила она тихим, нежным голосом.

– Неправда, неправда, – отвечала со смехом Ани, – ты говоришь неправду, Мария, – у русалок должны быть длинные до пят волосы, а на головках ветки из ледяных лилий или кувшинок... Вот таких же, как те, на пруду. Гляди скорее! Вот! – Белый, словно сахарный, пальчик указывает на густой лес чудесных таинственных царственно-красивых ненюфар. Солнце, нарядное летнее солнце, одело их в яркие одежды своими блестящими лучами, а прозрачно-хрустальная вода пруда, искрясь и сверкая под ними, словно алмазная корона, окружала белые плоские чашечки цветов. И капли росы в их желтых сердцевинках сверкали чистейшими брильянтами среди томно разбросанных под летним зноем восковых лепестков.

Белые водяные цветы теперь приковали все мое внимание. Мелькнула быстрая мысль в моей взбалмошной голове: сорвать их бросить к ногам Ани. А Мария сплетет из них венок на золотую головку моей царевны, и царевна Мигуэль станет настоящей русалкой в этом белом сверкающем венке.

Мне показалось в ту минуту таким удобоисполнимым мое желание, такой доступной и простой моя мысль. Ведь ненюфары росли так близко. Стоило только протянуть руку и ближайший из цветов очутился бы в моих тоненьких пальцах. Я взглянула на Ани. Она по-прежнему смотрела в воду и,

кажется, любовалась своим собственным отражением. Перевела взгляд на Марию – та по-прежнему сильно и сосредоточенно гребла. Ее спокойные не детски серьезные глаза были прикованы к цветам, которые она видела, повернув голову вполоборота. До белых цветов теперь оставалось всего лишь два-три взмаха весел. Лодка скользила. Зеленый островок гостеприимно улыбался издали своей прозрачной беседкой и густыми кустами раkitника... И вот, у самой лодки, забелелись восковые ненюфары на широких бархатистых изумрудных листьях.

Как они были хороши! Как должны были подчеркнуть своей красотой золотую головку Ани! Эта мысль вихрем пронеслась в моем мозгу. И я не рассуждала уже больше... Протянула руку и схватила первый попавшийся мне ближайший цветок... Но что это? Крепкий стебель упрямо удерживал белую головку водяной красавицы... И она не поддается моим усилиям... Тогда, я разжала пальцы и изо всей силы, налегая всем телом на борт почти игрушечной лодки, схватила, соседний с первым цветок...

– Что ты!.. Что ты! Сиди смирно! Ты опроки...

Увы! Слишком поздним явилось это предостережение! Я не дослышала конца фразы Марии, потому что была уже в воде, или вернее и, на дне пруда, под водою, упав плашмя на его тинистый в этом месте песок.

Отвратительная мутная жижа наполнила в тот же миг мой рот нос, уши, заклепляя мне глаза, все лицо и руки, упирав-

шиеся во что-то мягкое и скользкое. Мне показалось в тот миг, что все уже кончено, что я, умираю.

И о, ужас, я даже не могла ни крикнуть ни позвать на помощь. Отвратительная каша наполняла мой рот, мешая дышать, грозя задушить каждое мгновение. Не могу уяснить себе сколько времени длилось это ужасное стояние, может быть, полминуты, может быть, и больше... Прекратилось оно как-то сразу... Чьи-то руки изо всей силы сжали мои плечи и приподняв меня, поставили на ноги. Затем, быстрыми движениями тех же благодетельных рук грязь и тина с моего лица проворно исчезли, и я могла раскрыть освобожденные от них глаза.

Первое, что я увидела, был этот же лес белых цветов, а среди них опрокинутая вверх дном наша лодка. Перед мною же по пояс в воде стояла Ани с мокрою как после купанья головою, а меня самое все еще держала за плечи Мария.

– Бесстыдница! Нехорошая девочка! Вот видишь, что ты наделала? Теперь Ани перепугалась по твоей милости и простудится, наверное. Она не привычна к такой холодной воде!

Лицо у Марии было злое презлое, пока она говорила все это. Ее большая, так несоответствующая ее двенадцати годам фигурка тряслась от волнения и от страха за здоровье Ани. Это волнение, этот страх передались тотчас же и мне. Что я наделала!? Боже! Я перевернула лодку, из-за меня упали в воду Ани и Мария... Правда, утонуть они не могли, здесь не глубоко, но... но вот же говорит Мария: Ани просту-

дится, Ани заболевает. Какой ужас! Какое несчастье! И страх за участь Ани сковал мою перепуганную душонку.

Я заревела.

Читатель помнить из предыдущих глав, конечно, как умела удивительно предаваться этому искусству маленькая Люся. Годы и потрясение, пережитое после гибели Филата, хотя и сократили мои капризы, но самый процесс плача с того времени не изменился ничуть. Мой рев оставался таким же пронзительным и отчаянным, каким был и прежде. Стон стоял от этого рева как в ушах моих подневольных слушателей, так и в моих собственных, ушах. Не знаю, по-видимому, на этот раз я превзошла самое себя, потому что лицо Марии при первых же звуках заданного мною им концерта, покрылось густым румянцем досады и негодования, а прелестное личико Ани исказилось гримасой отвращения и брезгливости:

– Не могу! Не могу! Мария... да скажи же ей ради Бога, чтобы она перестала так выть, – зажимая пальцами уши, вскричала в приступе отчаяния моя царевна Мигуэль.

Вероятно, я была хороша в эту минуту; Мои слезы, смешавшись с грязью и илом, оставили грязные следы на моем лице. Платье, намокшее и грязное, тоже прилипало теперь к моему телу, делая удивительно жалкой и смешной мою мокрую обхлещтанную со всех сторон фигурку. Я перестала реветь только тогда, когда увидела приближавшегося к нам по воде садовника. Покачивая укоризненно головою и ворча се-

бе что-то под нос, старик взял одною рукой Ани, другой меня и, подхватив нас на руки, понес к пристани. Мария шла за нами тем же путем, водою...

Вероятно, я кричала на совесть, или же оставшиеся на берегу Этьен, Вадя и Лили видевшие катастрофу, созвали на берег старших, но первого, кого я увидела, на пристани был мой отец, за ним стояли тетя Муся, madame Клео и обе юные графинюшки.

– Возмутительная девчонка, наверное это вышло из-за нее! – услышала я негодующий голос моей молоденькой тети: – где Люся там уже готово целое происшествие.

– А на что же была Мария? Она виновата во всем, – сердито поблескивая глазами, крикнула madame Клео, угрожая взглянув на дочь управляющего.

– Пусть Ани расскажет, в чем дело, – серьезным тоном произнесла старшая графинюшка Лиз, в то время как у младшей толстушки Китти глаза так и заискрились самым живым, ребяческим любопытством.

– Какое там рассказывать, надо переменить им белье и платье! – со своим иностранным акцентом, но вполне правильно произнося русские слова, строго проговорила гувернантка. И тут же, встретив особенно оживленный взгляд подвернувшейся ей Лили, послала ее к горничной с приказанием приготовить сухое белье и платье.

– Tout de suite, ma!³ – крикнула Лили на ходу, исчезая, но

³ Сейчас, мамочка.

мне показалось, что черные маленькие глазки девочки бросили на меня взгляд исполненный торжества и злорадства.

Не позже как через час мы обе, Ани и я, переодетые во все сухое, сидели за большим столом в столовой. На мне было надето нарядное крепдешинное платье младшей графинюшки, ее тонкое как паутинка батистовое белье и дорогие шелковые чулки. В другое время я была бы несказанно счастлива одним уже прикосновением к себе тех вещей, которые принадлежали Ани, но сегодня, о, сегодня маленькая Люся чувствовала себя самым жалким, самым несчастным в мире существом. Каким-то чудом выплыла наружу настоящая причина свершившейся катастрофы. И старый граф и его дети, а также и моя молоденькая тетка насмешливо поглядывали на меня во все время обеда. Ох, уж этот обед! Я сидела во все время его как на горячих углях, готовая провалиться сквозь землю. Нечего и говорить о том, что, несмотря на все уговоры моей соседки, madame Клео, с одной стороны, и маленькой графинюшки, с другой – я не могла проглотить ни кусочка.

А между тем, это был совсем исключительный достойный внимания обед, за которым не подавалось ничего ни рыбного ни мясного. Одна зелень, яйца, молочные блюда и фрукты.

И сервирован он был роскошно. Самым заманчивым образом рдели в богатых севрских вазах тепличные персики и ренглоты золотились сочные ананасы и ранний виноград из собственных оранжерей графа. А прелестный столовый сер-

виз редкий хрусталь и букеты цветов, заполнявшие стол, – все это было так сверхобыденно и ново для маленькой дикой провинциалки. Но я не подняла за весь обед глаз с моей тарелке, односложно отвечая на все обращенные ко мне вопросы, и вдохнула свободно только тогда, когда старшие задвигали стульями и хозяева и гости вышли на террасу пить кофе.

За ними, подпрыгивая как ни в чем ни бывало, побежала и Ани, за нею промелькнула Лили, за Лили – Вадя. Теперь в столовой оставались только я и прислуга. Но вот, кто-то маленький и тихий подошел ко мне и произнес чуть слышно:

– Ты не горюй девочка, – со всеми нами может случиться такое же несчастье. Ведь никто же не утонул, хотя и перевернулась лодка. И Ани не простудится даже, ты увидишь, ее уже натерли суконками и спиртом. Успокойся, все обойдется благополучно. Напрасно ты не кушала только пломбира за обедом. Очень вкусный был у нас сегодня пломбир. Хочешь, я тебе принесу остатки?

Тихий голос, говоривший мне все это, был полон такого неподдельного участия, что я невольно рискнула поднять глаза.

Этьен!

Да это был он. Милый мальчик, сжалился над бедной Люсей и, повинувшись порыву доброго сердца, пришел утешить и успокоить ее. Его серьезное, как у взрослого, личико было сейчас полно такой трогательной готовности услужить мне,

что не пойти ему навстречу в этом отношении было бы просто бессердечно с моей стороны.

Когда пятью минутами позднее мы оба, спрятавшись за буфетом, уплетали пломбир с одной тарелки, мне казалось, что я давным-давно знаю этого милого заботливого Этьена, и с удовольствием слушала его признание о том, что он терпеть не может поездок в лодках и совсем не потому что боится, о нет! Просто ему не улыбается перспектива очутиться в холодной воде, принимать холодную ванну.

– А что тебя назвала Лиз «рыцарем печального образа», так ты не обижайся на это, Люся, – заключил, внезапно переходя на «ты», милый мальчик, – я бы сам хотел заслужить прозвище рыцаря. Быть рыцарем так красиво, – произнес он без тени мечтательности своим докторальным серьезным недетским тоном.

А я и не слышала и не знала, что прелестная Лиз назвала меня так нынче! Да если бы и услышала, то не поняла бы значение этого прозвища. Я была еще слишком для этого молода...

– Ну, вот и нагостились! Первый блин комом! – смеясь говорил мой отец, увозя меня с тетей Мусей из «Анина», – и ванну взяли несвоевременную и переполох наделали немалый. – Эх, Люська, Люська, рано тебе еще, видно ездить по гостям, – шутливо ущипнув меня за щеку, добавил мой папочка.

Но я почти не обратила внимания на его слова. Не радост-

но было на душе у маленькой Люси. Слишком ярко вставала в моем воображении последняя картина перед нашим отъездом из графской усадьбы.

Все вышли на крыльцо провожать нас, все, кроме Ани. Когда я, успев попрощаться со всеми, уже сходила со ступенек крыльца, ко мне неожиданно подскочила. Бог знает откуда вынырнувшая, Лили.

— А Ани тебе передать велела, что знать тебя не хочет... — быстро картавя, затараторила девочка, — да, да, — не хочет знать, — с каким-то особенным злорадством произносила она. — И не приезжай ты к нам больше... Ани не простит. Ани сердится... Из-за тебя Марии попало... Ее мать ее выбранила за то, что за тобою не доглядела, когда ты лодку опрокинуть изволила. Вот! А Ани ее любит ужасно... И никогда тебе за Марию не простит! Последние слова были произнесены совсем шепотом, но тем не менее они достигли по назначению. Мое сердце екнуло. Душа упала.

«Ани не простит... Ани сердится», всю дорогу к дому преследовала меня неотвязная мысль.

В эту ночь я спала плохо, металась и лепетала что-то во сне, пугая бабушку, спавшую со мною в одной комнате.

И когда утром раскрыла заспанные глаза и приподняла отяжелевшую голову, первой мыслью, промелькнувшей в ней, было:

«Ани не простит... Ани сердится... Не любить меня моя Ани, моя чудная, дивная Ани, моя прекрасная царица Ми-

гуэль».

И эта мысль не давала мне покоя.

IV

Зеленый

– К нам, гости едут! Гости! Мамочка, чай готовьте! Да за Сергеем пошлите... Он укатил с утра со старостой в поле, – заливался колокольчиком по всему дому веселый звонкий голосок тети Муси.

А сама она проворно сдергивала с себя просторную домашнюю блузу, заменяя ее белым батистовым платьем, и наскоро подправляла растрепавшуюся прическу, в то же время ужасно суетясь и волнуясь по случаю неожиданного приезда гостей.

– Сервиз новый, подайте... Да свежих коржиков прикажите положить в сухарницу... Мамаша, да велите вы Луке-рье новый передник надеть... Господи! Успеем ли... Кабриолет уже в липовую аллею заворачивает... Граф с двумя дочерьми к нам едет.

Я слышу все это прекрасно, притаившись в зеленой плющевой беседке. Плющевая беседка мое любимое местопребывание. Здесь я играю в куклы и в «кухню», здесь просиживаю, над азбукой и складами с тетей Мусей, несказанно раздражая ее своей рассеянностью. Здесь же слушаю ее сказку о царевне Мигуэль. Хорошо в зеленой беседке! Со всех сторон протягиваются зеленые ветви... Кругом тени падают на пол... Причудливые арабески движутся по стенам. Таин-

ственно и красиво. И тихо. Главное, так тихо, что слышен полет мухи, писк комара...

Но вот звенит колокольчик со стороны липовой аллеи, самой стройной и прямой в нашей усадьбе. Она ведет от большой проезжей дороги к дому вся из старых скрипучих лип, разросшихся причудливыми мохнатыми шапками вершин... Звенит колокольчик, а с ним и звонкий голосок Муси:

– Гости! Гости!

Мое сердце екает. Граф и две дочери... Которые? Не все ли равно! Если не «она» даже, то, во всяком случае, ее близкие. Родные сестры. Родной отец... Отец и сестры моей царевны...

Вот уже две недели прошло с тех пор, как я «осрамилась» в «Анином»... Оттуда не приходило никаких вестей до сегодняшнего дня. Бабушка негодовала, тетя Муся сердилась.

– Вежливо, нечего сказать. Совсем по-европейски, – ворчали обе, – и где это они по заграницам таких обычаев набрались, чтобы на визиты не отвечать?

– Да ведь, помилуйте, мамаша, графы ведь это, – поддразнивал обеих шутя отец, – он граф, а мы простые смертные.

– Вот потому-то и надо вдвое вежливым быть. Чем выше положение человека, тем он проще к низшим должен относиться и требовательнее к самому себе, а этот противный граф цезарем себя держит, – горячилась тетя Муся.

– Уж будто? – лукаво посмеивался папочка.

Но вот звенит – заливается колокольчик... Они едут. Они

здесь. Я знаю, я сердцем угадываю и чувствую, что «она» тоже с ними... Стрелой вылетаю из беседки и несусь навстречу, но не главной липовой аллеей, а узенькой дорожкой, убегаящей параллельно главной и чудесно укрытой зарослями смородинных кустов. Так и есть – «она»!..

Я вижу графа и старшую графинюшку Лиз, строгую, изящную, холодную, маленькую, но точную копию ее величавого отца. А позади на высоком сиденье, на месте грума «она»... Дыхание замирает у меня в груди, и сердце вдруг перестает биться... И вот-вот, кажется, задохнусь от радости, волнения и сладкого ужаса встречи после «того», после «моего» позора.

Не помня себя, стою в кустах и гляжу, гляжу не отрываясь. Правит старшая графинюшка, сидя подле отца. А та, моя царевна держит бич в руках. Белый газовый вуаль вьется за плечами, спадая с большой широкополой типа «bergere» шляпы, и вся она кажется какою-то новой и особенно прекрасной сегодня в голубоватом прозрачном платье с этой вуалью, окутывающим всю ее изящную фигурку.

Кабриолет подкатывает к крыльцу. Я бегу за ним вприпрыжку, скрытая кустами. Вот подъехал, остановился. Бабушка и тетя Муся уже на крыльце. До моих ушей долетают восклицания, приветствия, оживленные голоса.

И потом, громко зовущий меня тетин голос:

– Люся! Люся! Люся! Ани проехала!

Ани здесь. Что-то толкает меня вперед, потом отбрасыва-

ет назад с чрезвычайной силой, и я несусь на всех парусах обратно в плюшевую беседку. Там, полузадохшаяся от волнения, кидаюсь на скамью и жду. Чего жду, сама не знаю... Сердце бьется, мечется, кричит...

Кричит как-то особенно громко: она придет, сюда придет, сейчас, сию минуту...

А сама зажмуриваю глаза и затыкаю уши... Почему? Сама не знаю почему. Вероятно, от радости и от ужаса, что увижу ее после «того» впервые. После «того», когда я стояла перед нею грязная, вся облепленная тиной, смешная... «Рыцарем печального образа» словом... Ах, Боже мой, Боже мой! На минуту разжимаю уши и прислушиваюсь. Так и есть... Там в боковой аллейке, ведущей в беседку, слышатся шаги... И веселый тетин голос:

– Люся, ты здесь? Вечно ты прячешься, проказница?!
Смотри-ка, кого я к тебе привела.

Она!

Стою красная с опущенными ресницами и вижу перед собой желтые малюсенькие ботинки... И еще ажурные шелковые чулки рядом со светлой юбкой тети Муси...

Выше, выше скользит мой смущенный взгляд.

– Царевна Мигуэль! – шепчу чуть слышно.

– Ну, поболтайте, дети. Люся, покажи графинюшке твои игрушки, книжки... А я пройду к гостям.

Тетя Муся убегает с быстротою маленькой девочки. И мы остаемся одни. Я и моя царевна Мигуэль. Я стою и молчу,

красная, как пион, и мне конец фартука. И чувствую, как улыбаются Ани, осматривает меня с головы до ног, потом говорит:

– Вот я и приехала. Ты рада?

Господи, до чего я глупа сейчас, в этом ненужном, идиотском смущении! Стою и молчу и гляжу на Ани, как на высшее чудо мира, с широко раскрытыми глазами и ртом.

Она снова смеется своим резким смехом и говорит:

– Видишь ли, должны были ехать к вам Лиз и Китти, но я отдала Китти свой японский кушак, чтобы она не ехала и пустила меня. Вот, она и осталась.

Небесная музыка начинает наигрывать райские мелодии в моих ушах. «Она тебя любит, она хотела быть у тебя, видеть тебя... Она не сердится, значит, на тебя, глупая ты, глупая маленькая Люся, не сердится, несмотря на то, что ты выкупала ее в грязной воде в буквальном смысле слова» Мое счастье так велико в этот миг, что делает меня храбрее.

Хочется окончательно оправдать себя в ее глазах.

– Ани, – говорю я, впервые решаясь назвать ее настоящим именем. – Ани, вы не думайте, что тогда я плакала от страха, когда меня вытащили из пруда. Мне семь лет скоро будет, и я уже большая. А большие не должны ничего бояться. И я ничего не трушу... Ничего не боюсь. Я верхом на Ветре езжу по двору, когда его Василий распрягает и водит... И коровы Рогатки не боюсь, а она бодается – все это знают... И... и в темную комнату пойду... И в лес – одна тоже... Да, да и в

лес... потому что и Зеленого не боюсь... Да, не боюсь даже Зеленого...

— Кого? — Черные шнурочки Аниных бровей поднимаются на белом лобике девочки.

— Кого? — с изумленным видом спрашивает она еще раз.

— Ну да, его, самого Зеленого... То, что живет в лесу. Впрочем, няня Феня говорила, что его нет на свете. Что Зеленого выдумали какие-то глупые бабы... А я его не боюсь, — уже вне всякой логики добавляю я. Ани молчит и, нахмурив лоб, думает сосредоточенно о чем-то. Потом, быстро поднимает глаза и говорит совсем серьезно, пощипывая листик плющевой веточки, доверчиво протянувшейся в окно беседки.

— А ведь это неправда!

— Что неправда? — в свою очередь удивляюсь я.

— А то неправда, что люди говорят будто всех «их» выдумали. Они есть.

— Кто есть?

— «Они»... Я знаю. А говорят что выдумали, для того, чтобы дети же боялись. Я ведь знаю, что есть. И Зеленый есть, он Лешим зовется, и домовый есть, и черт, и русалки. Да, да, не спорь, знаю. Когда мы жили зиму в Париже, я ходила в школу, подготовительную, где только дети аристократов учатся. Там девочка была, Маркиза де-Вид, Леони, так та своими глазами раз ночью черта видела. Честное слово.

Дрожь пробегает у меня по телу при этих словах. Но я

хочу казаться храброй-расхраброй в глазах Ани и поэтому роняю с самым беспечным видом.

— А все-таки, если «они» и есть, то я их не боюсь нисколько.

— Неправда, — обрывает резко Ани, — боишься...

— А хотите докажу, что нет?

— Не докажешь, — спорит она, — да и как доказать?

— В лес пойду, — отвечаю я решительно.

— Одна?

— И одна пойду, а хотите с вами... Впрочем, лучше одна. Вас хватиться могут и забранят, если уйдете со мной.

— Вздор, не боюсь, чтобы бранили. И в лес не боюсь, хочу с тобою. Вместе посмотрим, есть ли Зеленый или нет.

— Нет его, — говорю я, — и смотреть не стоит.

— Есть, — упрямо твердит свое Ани, — а если говоришь, что нет, то нарочно, должно быть, потому, что боишься, и отвитьнуть хочешь от леса. Говорю, хочешь отвитьнуть.

— Неправда, — уже волнуюсь я, — неправда, я ничего не боюсь, и сейчас же пойду, если хотите.

— Хочу. И я с тобою. Пойдем.

Беремся за руки и быстро спускаемся с крылечка беседки. О том, что в лес не пустят одних ни слова. И что идем не спросясь, тоже ни слова не говорим между собой.

Солнце печет нестерпимо. Невозможно душным кажется сегодня воздух. Низко летают ласточки над знойной раскаленной землей. Знакомой дорожкой пробираемся к полю.

– Вот здесь на меня бешеная собака кинулась, – не без доли хвастовства говорю я моей спутнице, когда мы проходим мимо кустиков брусники, под которым я чуть не сделалась жертвой укусов сбесившегося пса. Потом рассказываю ей о Филате. О том, как погиб мой верный товарищ, защищая меня. Но странно, на графинюшку слова мои не производят никакого впечатления. Или она уже устала, непривычная к ходьбе, или июльская духота разморила Ани. Торопливо добираемся до опушки. Слава Богу, здесь немного прохладнее. Развесистые деревья бросают длинную тень. Сворачиваем без уговору в ту сторону, где глуше. Там хорошо, совсем тенисто и нет этого мучительного зноя.

– Хотите побежим? – предлагаю я своей спутнице. Но она только морщится в ответ.

– Не могу, туфли узки, ногу жмут. Так больно, – сознается Ани ноющим голосом. Сейчас только я обращаю внимание на то, как одета моя спутница. Голубое прозрачное все в газовых оборках платьице совсем не для леса. И изящные светло-желтые башмачки с пряжками – тоже. А газовая вуаль то и дело зацепляет за встречные ветви и сучья, угрожающие его целости. Но делать нечего. Храбро шагаем вперед. Ани оживляется лишь тогда, когда говорит о русалках, леших, черте, – словом обо всех тех страшных небылицах, о которых так не рекомендуется рассказывать маленьким детям взрослыми. С каким-то особенным наслаждением говорит об этом Ани. Зрачки глаз ее при этом расширяются, и

самые глаза страшно блестят. Поминутно вздрагивают ее тоненькие пальчики, держащие мою руку.

– Вот там, – рассказывает Ани, – вот над тем болотцем, на ветках того раскидистого дерева, – это, кажется, ива, – должны водиться русалки. Днем они прячутся в болоте, а ночью выплывают, качаются при лунном свете на ветках дерева, расчесывают свои длинные волосы и поют. У всех у них такой свирельный сладкий голос. Это для приманки, чтобы зачаровать путника. Услышит такое пение путник и делается, как помешанный. Мечется без толку по лесу. Добредет до болотца, ступить туда неосторожно и готово – утонул. А русалки хохочут-хохочут...

– А то, хочешь расскажу, как Леони видела черта? Наказала наша учительница Леони, посадила в пустой класс. Все ушли из школы, потому что занятия уже окончились. И дежурная вышла. Леони одна. Смотрит в окно. Вечер надвигается. Уже темнеет. Вдруг видит: к стеклу приклеилась какая-то страшная-престрашная рожа. С рогами и с вот таким ртищем огромным. И гримасничает. Леони закричала не своим голосом, вскочила на окошко, выходявшее в коридор, разбила ногою стекло и выскочила в окно. А на другой день вся школа узнала, что Леони видела черта... – закончила таинственно и значительно свой рассказ Ани.

Она сама, по-видимому, очень волновалась, переживая страхи этой неведомой мне Леони, потому что личико ее заметно побледнело, а зрачки разлились чуть ли не во всю ши-

рину глаз.

Мне тоже было как-то не по себе. Кругом нас зеленела лесная чаща, таилась тишина и мертвое спокойствие, если не считать щебета ласточек, треска кузнечиков и жужжания пчел. А там, дальше, таинственно нашептывал свою вечную сказку лес. И там же водились русалки и лешие, по словам Ани.

– Пойдем домой! – неожиданно предложила я.

Все мое семилетнее благоразумие исчезло куда-то. Фантазия заработала, небылицы стали казаться былью.

Самые нелепые рассказы, подхваченные мельком, мимоходом на кухне и в людской, сейчас непрошенными гостями заняли мою голову.

– Пойдем домой, Ани, – робко повторила я.

– Ах, ты, трусиха, – засмеялась она, – а сама еще хвасталась, что ничего не боишься. Видно, хвастунья ты и трусиха, – уже безапелляционно решила она. – Ну, а все-таки в лес мы пойдем. Пойдем, чтобы видеть твоего Зеленого, хотя бы. Каков-то он на вид. – И говоря это, Ани без церемонии тащила меня по тропинке туда, в чащу, где так жутко и молчаливо сторожила лесной покой тишина.

Ани была сильнее меня. В ту пору ей уже давно стукнуло восемь. Но если бы даже я была и вдвое слабее ее, я бы, все-таки, пошла за нею всюду, даже на край света.

Теперь она не переставала болтать. Она расспрашивала меня с нескрываемым любопытством о том, как выглядит

Зеленый, каков он по внешности и видела ли я его когда-нибудь.

– Я не могла его видеть, его не существует, – уже значительно слабее доказывала я, подчиняясь вполне авторитету моей спутницы, и тут же стала описывать его таким, каким он представлялся мне: маленький, бесформенный, шарообразный.

– Ну, нет, – спорила Ани, – не такой он, неправда, – а высокий, худой, костлявый, с лицом и видом человека, а руки у него длинные, как у обезьяны, а на голове рога, обязательно рога... И зовут его иногда Лешим, иногда Зеленым. Как странно, что ты сама этого не могла понять...

Так говорила она, увлекая меня все дальше и дальше по лесной дорожке.

Между тем атмосфера сгустилась еще заметнее. Теперь уже, положительно, нечем было дышать. В лесу потемнело. Неожиданно зашумел он зловещим предгрозовым шумом. Внезапно поднялся вихрь и закружил листьями, мирно покоившимися с прошлой осени во мху и траве. Вдруг, неожиданно ударил, словно из огромной гулкой боевой пушки выстрелил, гром. Громким раскатом прокатился он над лесом и, повторенный эхом, замер вдали. В ту же минуту, едва затих отдаленный рокот, ослепительная стрела молнии прорезала наступившую полутьму.

– Ай, – не своим голосом взвизгнула Ани, – ай, боюсь грозы, боюсь! Домой! Домой!

Я взглянула на нее и не узнавала теперь в этой бледной беспомощной девочке мою прекрасную царевну Мигуэль. Какое жалкое, перепуганное было у нее сейчас личико! И вся ее тонкая фигурка, дрожала, как лист.

– Люся! Люся! – шептала она, судорожно сжимая мои пальцы и увлекая меня назад в ту сторону, где, по ее мнению, должна была быть лесная опушка. – Бежим же, бежим обратно скорее!

Ее ужас перед грозой заразил и меня. Сколько раз бабушка, отец, тетя Муся убеждали меня не бояться грозы, учили не прятаться под деревьями, поясняли причину гроз и уговаривали не пугаться грома, весь ужас которого заключается только в звуке, не приносящем вреда, – все это было забыто мною в минуту, при виде испуганной, суетливой и плачущей Ани...

Страх заразителен, и я это почувствовала сразу, когда вместе с Ани бросилась бежать.

Новый зигзаг молнии, прорезавшей ослепительным светом чащу, новый оглушительный удар грома, и хлынул дождь. И не дождь даже, а сильнейший ливень. Страшный ливень, который когда-либо пришлось видеть мне до сих пор. Целые реки дождя лились теперь сверху, производя своеобразный шум, образуя мгновенно быстрый поток на том месте, где за несколько минут до этого находилась сухая лесная тропинка. В один миг мы были мокры до последней нитки, насквозь и я и Ани. Жалко и грустно было смотреть

сейчас на нарядную элегантную еще недавно фигурку моей спутницы. Голубое платье Ани превратилось в какое-то бесцветное тряпье. Тряпье это облепило со всех сторон тельце Ани, и теперь она странно напоминала мне жалкого неоперившегося еще, птенчика.

Она вся дрожала и плача тянула одно только слово жалобным, размякшим голоском:

– Домой, до-омой, до-омо-ой.

– Домой! Пойдем скорее домой, – согласилась и я.

Но ливень, лишь только мы вынырнули из-под дерева, служившего нам хоть некоторым незначительным прикрытием, так безжалостно стал хлестать по нашим головам и плечам, что мы снова бросились назад, и, прижавшись друг к другу, мокрые, дрожащие, встали снова под дерево, беспомощно опустив руки.

– Мое платье, мои туфли! – стонала Ани, – ну, как я покажусь в таком виде на глаза рара?

Мне ее было смертельно жалко, но помочь делу я ничем не могла. Дождь лил, по-прежнему как из ведра. Зигзаги молний бегали по небу, бороздя его огненными змеями.

Вдруг, глаза мои заметили приближающуюся к нам издали фигуру.

Это была маленького роста женщина, должно быть, очень старая, потому что шла она сильно сгорбившись при ходьбе. В руке она держала небольшой узелок. Старушка приблизилась к дереву, под которым мы стояли с Ани, дрожа как

осиновые листья. Теперь мы могли ясно рассмотреть ее морщинистое лицо, высматривающее зоркими проницательными глазами из-под опущенного капюшона непромокаемого плаща.

– Ведьма! Смотри, настоящая ведьма! – прошептала в страхе Ани, сжимая мои пальцы с такою силой, что я чуть не вскрикнула от боли.

– Но почему ты думаешь? – невольно переходя на «ты», также тихо спросила я мою спутницу.

– Достаточно взглянуть на нее... – продолжала та и остановилась на полуфразе. Очевидно, и незнакомая старушка заметила нас, потому что направила свои стопы прямо к дереву.

– Девоньки, малюточки! Да как же вы одни сюда в лес в такую непогоду попали? – пропела она ласковым певучим голосом, оглядывая нас с головы до ног своими зоркими, совсем еще молодыми глазами. – Небось, промокли до нитки. Ишь, и платьица, и волоски, и обувь, все хоть выжми на вас, – сокрушалась она, покачивая головою.

– Мы до дождя пришли сюда. Погулять пришли. Мы не знали, что такая гроза разразится, – храбро подняла я голос, в то время как Ани с тем же выражением страха смотрела на старушку большими испуганными глазами.

– Бедняжки мои, капельки мои! Эко ведь угораздило вас так попасться, пела, между тем, старушка, глядя своей костлявой рукой то мою, то Анину голову. – Пойдем со мною,

детушки, я вас у себя обогрею да обсушу. Молоком напою, кстати, тепленьким, чтобы лихоманка-злодейка к вам не пристала, чтоб не заболели вы ненароком, голубочки мои бедные. А там Ванюшка, сынок мой, и домой вас отведет... Вы издалече ли? Никак из «Милого» будете? Одна-то из вас Ордынцева барышня малюточка-то, мне знакома, сразу признала, а другая-то незнакомая, кто будешь? – перебегая взглядом с моего лица на Анино и обратно, пела старушка своим сдобным крестьянским говорком.

– Угадала, бабушка, я Люся Ордынцева, а она, – и я указала на свою спутницу, – маленькая графиня д'Оберн.

– Графинюшка? – высоко подняла брови старушка. – Да как же графинюшку-то без губернантки в лес отпустили? – и она укоризненно закачала головою под кожаным капюшоном, из-под которого выбивались беспорядочные космы ее жидких седых волос. – Ну, девоньки, неча вам под дождем прохлаждаться, к нам в лесную сторожку пожалуйста, – уже иным, энергичным голосом, заговорила она, – ишь ведь погодушка-то разгулялась, в энтакую-то погоду хороший хозяин пса домашнего, прости Господи, на улицу не выпустит. Давайте же рученьки, детки, и идем. – Тут незнакомка накинула свой узелок на руку, повыше кисти, и этой рукой взяла мои мокрые дрожащие от холода пальцы. Другою рукою она схватила руку Ани и под проливным дождем мы двинулись в путь. Мои туфли были наполнены водой и издавали хлюпающий звук при каждом шаге. Та же дождевая вода сбегала

ла с моей головы и неприятной холодной струей лилась мне за воротник платья. Холод и сырость проникали мне до костей. А тут еще тяжелое впечатление увеличивалось странным, непонятным мне явлением, которое я никак не могла разгадать.

Узелок, привешенный с моей стороны на руке, старухи, шевелился. Да, положительно шевелился, я это заметила сразу и из него вылетал какой-то странный звук, не то писк, не то какое-то гоготанье, заглушенное, впрочем, шумом проливного дождя.

Я взглянула на Ани. На ней лица не было. Очевидно, таинственный узелок привлек и ее внимание. Она казалась теперь еще больше испуганной и встревоженной, нежели прежде.

– Это ведьма! Уверяю тебя... Убежим от нее скорее! – переглянувшись за спиной старухи, трепещущим шепотом успела шепнуть мне моя маленькая спутница. Но о бегстве не могло быть теперь и речи. Незнакомка крепко-накрепко держала нас за руки своими цепкими сильными пальцами и безостановочно шагала вместе с нами, не разбирая дороги, по лужам и мокрой траве, держась тропинки, убегавшей вглубь леса.

Прошло, по всей вероятности, около четверти часа упорной, долгой ходьбы, пока мы не очутились перед покосившимся крылечком небольшой лесной избы-сторожки. Со всех сторон ее окружала чаща, Здесь, под густым навесом

деревьев, как-то меньше чувствовались непогода и дождь.

При нашем появлении дверь избушки внезапно широко растворилась, и на пороге ее показался очень высокий, худой человек с бледным лицом и костлявыми длинными, как у обезьяны, руками. Ведь нужно же было так подойти обстоятельствам, что внешний облик этого человека, как нельзя, вернее отвечал высказанному недавно предположению Ани о внешности «того» Зеленого. Очевидно, одна и та же мысль молнией мелькнула в наших головах, моей и Аниной, когда мы переглянулись с нею полными страха и недоумения глазами.

– Зеленый! Сам Зеленый! – прошептала, чуть заметно шевеля губками Ани, меняясь от страха в лице.

– Входите, девоньки, гостями будете! – между тем отнюдь не подозревавшая о нашем волнении, говорила самым радушным тоном старуха, пропуская нас в дверь. Мы вошли в небольшую, бедно обставленную, но чрезвычайно чистую горенку. По стенам ее шли лавки, как и в обыкновенной крестьянской избе. Стоял простой грубосколоченный покрытый неказистой, домотканой скатертью стол. В переднем углу перед образами теплилась лампада. В противоположном углу ярко пылала печь.

– Скидывайте же одеженьку, девоньки, да сапожки тоже. Печка-то топится на славу. Как есть обсушитесь. Да к огню-то поближе садитесь продрогли небось, а? – И говоря это, старуха ловкими проворными руками стаскивала с нас пла-

тье и обувь, едва слезавшую от сырости с ног. Тут она подвинула к самому огню два табурета и посадила нас с Ани прямо перед дверцею огромной печи. Наше мокрое платье и обувь она развесила и разложила тут же перед огнем. И только с чрезвычайной тщательностью исполнив все это, она вместе с сыном, молчаливо наблюдавшим нас издали, с порога комнаты, тусклыми, какими-то больными глазами, вышла из горницы, сказав, что принесет нам из кладовки хлеба и молока.

Лишь только хозяйева сторожки скрылись за порогом, Ани вскочила со своего места и бросилась, быстро перебирая босыми ножками к двери. Тут она живо наклонилась ухом к замочной скважине и стала внимательно слушать то, что говорилось в сенях, куда прошли только что старуха с сыном.

Ее бледное лицо выражало сейчас самую отчаянную тревогу. Глаза, исполненные ужаса, косились на меня.

– Подойди сюда, Люся, и слушай тоже, – скорее угадала, нежели расслышала я ее взволнованный, прерывающийся шепот.

– Чего ты боишься? – также тихо, в свою очередь, прошептала я.

– Как чего? Зеленого боюсь и его матери – Ведьмы.

– Почему же ты думаешь, что они – Зеленый и Ведьма? – снова беззвучно проронила я мой вопрос.

– Неужели тебе еще мало доказательств? А старухины глаза? Они так и бегают, так и горят! И в узелке у нее что-то

копошилось и пищало...

– Что это было? Как ты думаешь, Ани? – зараженная ее волнением, осведомилась я.

– Как что? Неужели не догадываешься? Вот глупая-то! – Ребенок! Конечно, ребенок, которого Ведьма унесла от родителей крестьян из деревни для того, чтобы изжарить его и съесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.